

ЧЕМУ НЕ ОБУЧАЛИ

Смена

№ 4—10 февраля 1930 г.

Литературно-художественный, иллюстрированный журнал рабочей молодежи
Орган ЦК и МК ВЛКСМ—Изд. «Молодая Гвардия»

Адрес редакции: Москва, центр, Новая площадь, 6. Издательство «Молодая Гвардия». Прием в редакции ежедневно с 12 до 2 ч. дня.

Ответственный редактор С. Кэмард
Заведующий редакцией Я. Юдицкий

Строим

КОМСОМОЛЬСКУЮ

ПОДВОДНУЮ ЛОДКУ

№ 5 «Смены» посвящается постройке подводной лодки комсомола.

№ будет стоить 15 копеек.

Вся чистая прибыль поступит на постройку.

Противоречие кажется неразрешимым

На московском станкостроительном заводе «Самоточка» существовало два голода. Голод завода на квалифицированных рабочих, на технику и инженеров. И голод рабочих на учебу, на совершенствование своей квалификации.

Завод несомненно заинтересован в том, чтобы его рабочие превратились в бригады, техников, инженеров. Но он не может отпустить их учиться, потому что это угрожает катастрофой.

Противоречие казалось неразрешимым. Так обстояло дело еще два месяца назад. И вот что происходит сейчас.

Рабочие поступили во втуз. Но завод не потерял рабочих. Рабочие учатся, продолжая стоять у станков. Завод использует их труд и все же дает им возможность учиться.

Завод перестал быть только заводом. Втуз теперь не только втуз.

1 января 1930 года приступил к работе первый в СССР и— тем более—первый в мире завод-втуз: «Самоточка».

Жаль, что нет третьей руки...

Основными достоинствами всех, кто участвовал в создании завода-втуза, является

резительность и быстрота в осуществлении плана.

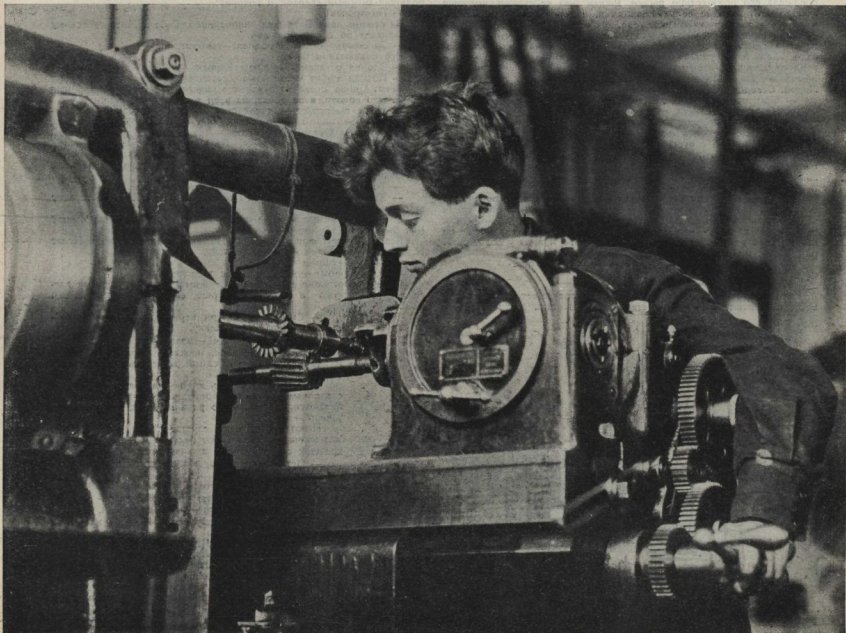
Потому, например, единственным оборудованием зала для теоретических занятий является пока метров двенадцать площади.

Очень неудобно. Но неудобства этого не искутались. В том-то и заслуга, что не искутались. Потому завод-втуз и существует уже не только в проекте. Но в то же время здесь правая рука очень точно осведомлена о том, что делает левая. Правая реншал сати в тесной и душной столовой, а левая строит отдельные помещения в шесть аудиторий. Жаль, что нет третьей руки. А то заложили бы фундамент для железобетонного здания—дворца рабочей учебы. Оно скоро понадобится, такое здание, потому что каждому заводу-втузу предстоит огромное увлекательное будущее.

Еще бы: рабочий будет учиться, не отходя от станка. Он будет превращаться в инженера, не переставая быть рабочим.

На всех паровозах сразу

Еще теперь станкостроительные заводы жадно смотрят на каждого инженера этой специальности, работающего на чужом предприятии. Кризис на людей, на квалифицированных рабочих и специалистов здесь необычаен.

СВАДЬБА

(Отрывок из повести «Молодой человек»)

Рис. К. УРБЕЙТИС

Н. КЛАЗЬМИВСКИЙ

Тетя Ариша

Весна... Тетя Ариша достала из укладки обильный блестящий нафталиновый старомодный сак, она решила навестить молодых. Сак шелковой, с пуговицами из серебряных крупинок. Тетя Ариша надевала его в исключительные дни.

Давно ли в ее руках горели вот эти венецианские свечки? Давно ли этот сак был в моде? А Лида хочет сделать ее бабушкой.

И все-таки тетя Ариша не может думать о Лиде, как о замужней. «Склетушки, как сучки, — в сердцах говорит она, — покрываются, да и разойдутся». Лида даже не ваяла приданое, ушла в чужой дом с чемоданчиком, как в баню. В упаковке остались: полотенца вышитые, полотенца суровые, наволочки, простыни, носильные белье, отрезы на платье, одеяло байковое, одеяло ватное, выстеганное у монашенки в келье. Тут свивальники, детские конвертики и голубой с апельсиновыми стрелками чайный сервиз. Все оставила Лида. А ведь тетя Ариша жила и грешила пышной Лидиною свадьбой, с конями, с гармонью, с озорными криками: «горюк».

Ей казалось, что она идет на нечто божевественное...

В первые дни тетя Ариша много плакала, считала Лиду опозоренной, уличной и думала: «Что Лида проворонила окаянство?».

Он-то уж, наверное, и приданое взяла бы, и на свадьбу не покупалась. Об Андрее тетя Ариша думала, как о разбойнике, и воображала его обязательно рыбом. Рыбом был ее свекор, который в молодости ввёл ее ухаживаниями, и теперь тетя Ариша думала о свекоре неприятном человеке, как о рыбе.

Коридорные отнеслись к уходу Лиды спокойно, никто не охал, не соблаговозвал, а лишь подтрунивали. Тетю Аришу это успокаивало. Лида не осудила — значит, ничего стыдного нет, и она по-прежнему начинала относиться к Лидиному замужеству, как к чему-то обычному. На фабрике она попрежнему продолжала сменяться с Лидой. Сегодня ей Лида сказала:

— Мам, приходи вечером... на свадьбу!

— На свадьбу? Поди, опоздаешь друг другу...

Но прежней глубокой вражды в этих словах уже не было. Лида вставала: большие просят не надо — мать придет.

Тетя Ариша не с пустыми руками идет к молодым. Она завернула в розовый платок байковое одеяло. Дорогой она охотнее размыкала, ей уже хотелось, чтобы молодые вышли навстречу, она заварила бы маленькую и по-хорошему ввели в дом. Она дружественно и мило стала думать об Андрее.

Вечер по-прежнему светел и широк. Усталое солнце ползучими лучами золотит пыль тропинки. Серебряные крупинки пуговиц сияли и плыли в тегваринской груди. На колокольные позвонили к вечеру. Ей казалось, что она идет не на безобидную свадьбу, а на нечто божевественное. Тетя Ариша расстолась, купила у лоточницы на пятачок ирку.

«Может, у сватих-то огодить есть», — подумала она.

Графинчик

Кроме тети Ариши, на свадьбу были приглашены: Андрюшкин крестник, Игнат Игнатович, с женой, дядя Пета и Митя зевуский.

— Такой смелый мальчуган, всю дорогу рассказывал...

Игнат Игнатович пришел в светло-дымчатом костюме с платевой цепью на жилете. Его жена, Глафира Петровна, была в модном платье из либерти: она портилась и одевалась по журналу. Клавдия (Андрюшкина мать) много дивилась модному платью, хотя в сердце и осуждала Глафиру Петровну за несомненно обаятельную, да к тому же тощую, рыку. Клавдия достала из чемодана сверток истинных выкроек и просила Глафиру Петровну прибавить новельных.

— Говорят, лифчики пошли с каемочкой и без порамочек. Ты бы, Глафира Петровна, подарила выкрочку!

— Ах, Клавдия, Клавдия, давно бы завела ко мне...

Дядя Пета был самым высоким из гостей, он ходил согнувшись, иначе задавала бы за потолок. Сейчас он похлопал платком по спине и сказал:

— А ты спроси, Клавдия, звали ли они нас когда к себе-то?

— А чего זאת? Задумали и пришли, — отвечал Игнатович, — де-то родное.

Митя зевуский был угрюмый гость. Он сидел на укладке и грыз семечки. Федор Владимирович покрывался новыми ботинками и успевал разговаривать со всеми.

Ждали тетю Аришу. Ее увидела первая Клавдия. Она вытерла об занавеску руки и побежала навстречу. Дядя Пета громко кричит:

— Нашего полку прибыло!

— А где же молодые? — спрашивает тетя Ариша.

— Молодые ушли в футбол играть.

— У нас по-новому, по-новому, сватый!

Клавдия показывает тете Арише новую с ясными шарами кровать. Тетя Ариша пробует, засквозно ли спать.

— У Лиды перина есть, — говорит она, — другое добро, но она, дура, не берет, будто бы Андрюшка приданым позориться не хочет.

— Душа она, — отвечает Клавдия, — надо привести, да и все тут.

Самим повинится, на одном матрасе не сладко спать.

И они уговариваются нанять извозчика и украдкой перевезти Лидино приданое. Теперь тетя Ариша повеселела, она оставляет на подушке розовый сверток и говорит:

— Подарочек!

— За столом дядя Пета был вночернем. Себе и Мите зевускому он называет по самой родней!

— За смычку с новой родней! — говорит он.

— Все чокнется и охал.

— Это не оставят! — кричит Клавдия.

— Посуда любит чистоту, — поддакивает муж.

Тетя Ариша стала рассказывать, какая у ней Лида хорошая

девка. Это золото, а не девка, все в доме, все в шкафу отгичило.

— Белье выстара — как сахарное; и поговорить не дура. По-други-то у ней из благородных семейств, главного конторщика,

Антоня Ионыча Овалова, все знают — Лида у них в доме за свеной.

— Когда упомянул Овалова, Глафира Петровна оживилась.

Как же! Она близко знает это семейство. Она дяди Клены венецианское платье шила. За нее сватался доктор. Но лучше бы и не шить венециального платья...

— Тогда расписались? — спрашивает отец.

— Хуже! — отвечает Глафира Петровна и кладет себе на тарелку шпротнику.

У тети Ариши все веселье пропало. Что такое начудила Клея?

Как бы Лиду в яму не вывалил!

Все заинтересовались. Дядя Пета даже уронил шпатель. Игнат Игнатович не стерпел и опередил жежу.

— С добела, — сказал он, — тайком.

— С достером? — удивился Митя зевуский.

Глафира Петровна с сожалением глядит на него и начинает рассказывать историю о финнисекторстве, ее сыне и сумасшедшей Клея.

— Сиди-то от матери оттрекс, — говорит она, — он эти и соблазна Клею.

— Подумайте, эти! — вздохнула Клавдия.

Разговор разбился, каждый говорил о своем.

Игнат Игнатович, как самый расчетливый, рассуждал о хозяйстве.

— Сахара возьмешь кило — на два дни. Также и с прогари: взяли по пирогу, и все. Вель все большие делаются. На платье-то раньше брали по полметра, теперь — два.

Игнат Игнатович слушал Митю зевуский. Он был возмущен, страдал от налогов и сейчас стучал о крушечек стола кулаком и жаловался:

— Остается распахнуть пузо, вывалить кишки — нате, берите!

У женщин свой разговор — о детях.

— Правильно говорит: маленькие дети — маленькие печали, большие дети — большие печали.

— Вот теперича Клею взять. Как она мать-то с отцом обидела!

— Кто как следует замуж-то выходит, сердце радуется, — говорит Глафира Петровна, — а кто по-особому, — так скорбь одна.

Тетя Ариша с Клавдией обаяют; пахнет скандальчиком. Отец спешит на выручку.

— Глафира Петровна, была у Петрашкиных-то?

— Нет.

— Что так? Сходи. Как у них в квартире-то богато! Как вондеш—передней, потом—зал, и в зале стоит большой стол, покосный скатертью,—подхватывает Клава,—на столе ваза и в вазе яйца разные, и кругом стулья. Ну, до чего красиво! Прелесть!

Тетенька Ариша, подиайтесь же к нам поближе,—острил дядя Петя.

Клава берет поднос и поточует всех чаем. Тетя Ариша начинает чудить:

— Ну, гости дорогие, не надоели ли вам хозева?—говорит она.

Митя зувеский сбросил с себя угрюмость. Он зашел:

Раз полочку Мама зала,

Возле сплота выдала...

В ударах местах он притоптал ногой и присел. Ариша на противоположном конце стола тоже притоптала ногой и колыхалась от пласки, как волна. С потолка сыпался песок.

— Ариша!—кричат Митя зувеский,—Давай лезгинку с тобой!

— Что вы, гости, все едите, так не посите!...—шутит Клава.

— Как ты здорово плясешь!—восхищается Ариша Митей,—ты лучше нашего Егорка плясешь.

Комсомольская любовь.

В комнате накурено. Федор Владимирович завязывает узлом тюленьевые занавески и открывает окно. Солнце уже заходит. Дома на противоположной стороне сияют, как монетские монеты.

Глафира Петровна, обмахиваясь носовым платком, говорит:

— Мне свежий воздух необходим! У меня сердце чуть что...

Ба!—вскринула она.—Доктор идет.

— Доктор?

Все бросились к окну.

Действительно «доктор» вел с собой солидного человека.

«Господи, какой костюмчик! благодарный!»

Андрей бросает бумажку под кровать с новыми шарами. Он сегодня в расшнурованной майке и наглаженных брюках. Под шее резко выделяются выпуклые ключица. Его лицо в воступках. Андрей вводит гостя и говорит:

— Левков, Александр Петрович.

Левков сразу же делается своим человеком. Пожимая Клавину руку, он хвалит Васю!

— Такой смешанный мальчуган, всю дорогу рассказывал, как он видел парочку Лиды, говорил, у него то из колес, то из трубы, то из колес, то из трубы...

Федору Владимировичу он напомнил пятый год, выразил восхищение его тогдашней революционной деятельностью. Федор Владимирович преобразился: он стал серьезным, спокойным.

Митя зувеский и дядя Петя уже не пользовались прежним вниманием. Они для приличия посидели немного, а потом незаметно чудинили. Игнат Игнатович с Глафирой Петровной были чрезвычайно довольны: они пригласили себя с незнакомыми и рады были, что им представился случай побыть в обществе с образованным человеком. И, возможно, доктор расскажет кое-что о своей невесте.

Тетя Ариша все больше убеждалась в прочности Лидиною счастья. Видно, Андрей не никак очкастый, если к нему не побрехала зайти доктор. Федор Владимирович напоял рюмки.

— Выпейте за долгую комсомольскую любовь.

— А помните,—спрашивает Андрей,—эмоциональную фотографию?

— Нет правил без исключения,—отвечает Левков.—А вы помните, молодой человек, что сказали у меня?—Женитесь на Клеве, не бойтесь.

Андрей мнется. Тетя Ариша с Глафирой Петровной навестили уши.

— Вот видите, молодой человек, я был прав тогда. Моя женитьба разлетелась в прах и прах.

— Негодная девчонка!—вставляет Глафира Петровна.

— Ее мечты губят, ее герой завлекает!

— Александр Петрович,—говорит Лидя,—я сама о Викторе была плохого мнения, но теперь я не могу согласиться с вами, что будто бы Клева губит себя. Наоборот, убежав из дома и от вас, она делает первый шаг к своему счастью. Виктор—человек принципиальный, он сумеет и Клеву поднять до себя.

Левков чуть бледнеет:

— Вы, случайно, не пособояла ли бежать?

Хотя Лидя и не пособояла, но ее тоже охватил задор, и она сказала:

— Пособояла!

— Ну, так радуйтесь. Вы не только сгубили свою подругу, но довели до паранчика и ее папашу—но не перенесет несчастья.

Тетя Ариша заплакала. Разве это свадьба? Разве принято срывать молодую?

И Глафира Петровна, злобно фыркнув, опрала свое платие из либерти и тут же с Игнатовичем покинула свадьбу. Они больше не могли оставаться вместе с этой негодной девчонкой.

Горько

К Андрию в гости Левков пошел случайно. Он смотрел на спортопладеке матч между командами «Медикоспирт» и «Красный Текстильщик». «Красный Текстильщик» окончил игру в свою пользу. Левков пошел поздравить Андрея—вратаря команды—с победой.

Конечно, поздравление—только предлог. Левкову вообще хотелось побыть с Андреем.

— У меня старина нечто в роде свадьбы устроили. Поидемте,—приглаша Андрей.

Левков шел к Андрию с самыми мирными целями. Он думал посидеть, выпить, красиво поговорить. И когда Глафира Петровна, фыркнув, покинула с мужем компанию, он понял, что скропометровыва Лиду в глазах Андреевой родни.

Теперь Левков ходит по комнате, скондачет ветхими позавонками и пробует успокоить тетю Андрию.

— Андрия,—говорит он,—не знаю, как вас по отчеству?

— Ивановна.

— Ариша Ивановна, зачем же вы плачете? Вы портите свадьбу. Надо веселиться. Нехорошо, нехорошо, Ариша Ивановна. Клеву скажете похудо, а Лидю! Ибо плачутся, двоим вам в этом честное медицинское слово. А вы знаете, как крепко наше слово! Мы все это дело поправим и, пожалуй, Клеву вырвем домой и папашу выведем. Я сам поеду в Москву, приеду и скажу: «Дорогая Клеопатра Антоновна, мы вас простили и ждем назад. Будь вы мие. Лидочка, адрес дадите? Ну, вот, прелесть! И непременно там буду. Я не могу поверить, чтобы у Клевы было такое каменное сердце. Не правда ли, молодой человек, если я и не сам поеду, она вернется?»

— Ваша Лидочка,—продолжает утешать тетю Аришу Левков,—достойная жена такого славного, умного молодого человека. У них прекрасное будущее. Так выпьемте же за новый быт, за новых людей,—предлагает Левков и красным жестом высоко поднимает рюмку.

И, когда все чокнулись, Клава крикнула:

— Горько!

— Горит, горит,—возмужав Левков.

— У вас насчет цветовых?—оказался Андрия.

— Молодой человек, вы попали в точку, без упреков!

— Не буду,—отвечает Андрей.

— Горько!—кричит Левков со всеми вместе.

Эта история тоже могла бы кончиться неспешно, но Лидя предупредила. Она шутливо пригласила Андрия к себе и громко поцеловала. Все пьют и смеются. Теперь всем легко и весело. Клава достает сигаретку, порошки, калл и показывает Левкову. Левков чинит переносит затиски слова. Федор Владимирович смснит тетю Аришу. Он неможеко пьют.

— У нас живет Нестерка,—говорит он,—у него детей шестерка, работать ленится, воровать боится.

Тетя Ариша весело приговаривает:

— Ох, и чудак же снатушка!

Отч начинает рассказывать Левкову, как Вася в булочную ходил и как ему настрену попалась коза и с'ела булки.

— Я сам отдал,—говорит Вася.

— Зачем?

— Чтобы не забодала...—отвечает он и совсем неожиданно добавляет:—А Лидя все к Андрию жметса.

— Забавный мальчишка!

Разошлись поздно. Андрей с Лидой провожали тетю Аришу.

После они сидели на лавочке. Ночь была тихая. Вокруг топоев летали жуки. Было слышно, как они с налета стукнулись в молодую листву. Изредка быстро и странно, как черной ич, мелькали летунье мыши. Говорили о Клеве, о Викторе, старались представить себе, где-то они сейчас, и эту теплую ночь.

Андрей обнимал Лиду, целовал и говорил:

— Мы будем жить хорошо.

— Снимки поправятся, на одном матрасе не сладко спать...

ЧЕМУ НЕ ОБУЧАЛИ

(См. стр. 3)

Завод-вуз выручает. Через несколько лет «Самоточка» сумеет не только справиться со своим кризисом на людей, но и предложить другим заводам, сотворившим по специальности, новым инженерам, техникам и бригадирам.

Да что там через несколько лет! На другой день после начала занятий несколько чернорабочих-вузовцев «Самоточки» стали к станкам на квалифицированную работу. Не удалось искать по биркам обученных рабочих—их все равно нет, давно разобрали,—чернорабочие на занятиях учат алгебры, геометрии, физику и одновременно у станка собирают в себя практические навыки новой квалификации.

Для всех, кто незнаком с заводом-вузом, этот завод—фантастическая, дикая вещь. На небольшом машиностроительном заводе «Самоточка» из 430 рабочих учатся во вузде 230. Раньше это было бы равнозначное консервированно заводу—он заложился бы без людей. Ну, как же—раз рабочие идут учиться, значит, они «потеряны» для завода. А когда «потерянным» бывает больше половины всех рабочих, предприятие перестает жить.

Но вот 230 учатся, а завод живет.

Что это такое?

Это—завод-вуз.

Что такое завод-вуз

Но что же такое завод-вуз? В сущности, очень несложная вещь. Удивительно, как не догадывались раньше.

Начнем с ошибки.

Нужно благодарить «Самоточку» за мужественную решительность в построении вуза. Но быстрота неизбежно влечет за собой ошибки.

Каждый учащийся «Самоточки» в каждой декаде на один день освобождается от работы для теоретической учебы. В этот день он занимается все 8 часов сплотно.

Это неправильно. Во-первых, потому, что заниматься 8 часов подряд—это варвар-

ство. Это насилие над организмом, который с большим трудом может перенести такую опустоляющую порцию. Во-вторых, забывшие группы учащихся:

— За десять дней перерыва мы забываем все, что прошли за день учебы.

Очень справедливое замечание. Не может же называться вузом предприятие, где учеба существует все-таки как некое исключение из правил: день учебы и—десятидневный антракт. Содержащие эти девяти дней не может не вытеснить из головы все, что с таким напряжением (ведь учиться начинают иногда впервые) удалось запомнить на занятиях.

«Самоточка», а за ней все остальные заводы-вузы, до тех пор не станут настоящими вузами, пока учеба не выйдет органически из содержания рабочего дня. 5 часов работы за станком, три часа теоретических занятий—к этому нужно прийти.

Профессора революционной энергии

За «Самоточкой» идут другие. Завод-вуз «Днепрострой». Завод-вуз «Амур».

Рабочие—студенты революционных заводов-вузов—будут учиться вещам, неизвестным в самых передовых вузах страны. Программа их учебы есть производственная программа предприятий. Она включает в себя, помимо специальных дисциплин, практическую работу вместе со всеми общественными организациями предприятий.

Здесь будут учиться не только строить новые станы и фабрики, но и гореть энтузиазмом строителей социализма. Рабочие Днепростроя и других заводов станут для своих вузов профессорами революционной энергии, революционного духа.

Этому не обучали до сих пор нигде. Этому будут обучать в каждом новом заводе-вузе СССР.

И тогда навсегда будет уничтожена разница между советскими рабочими и советскими инженерами.

В ПОХОД

Як. Ильин

Новая техника требует новых методов, новых техник в работе. Создание новых отраслей промышленности требует выскока квалификации кадров. От существующей примитивной ремесленной техники, когда рабочий делал целиком всю вещь от начала до конца (сапожник, портной, слесарь и т. д.), мы переходим к гигантскому раздроблению труда.

В нефтяной, электрической и металлургической отраслях промышленности уже есть такие машины-комбинаты, полностью вытесняющие ручной человеческий труд. Гигантское развитие техники, ведущее в капиталистических странах к кризисам перепроизводства, к усилению эксплуатации трудящихся масс, к росту безработицы и нищеты—в условиях нашей страны становится могучим рычагом развития производительных сил страны, поднятия экономического и культурного уровня широчайших масс трудящихся.

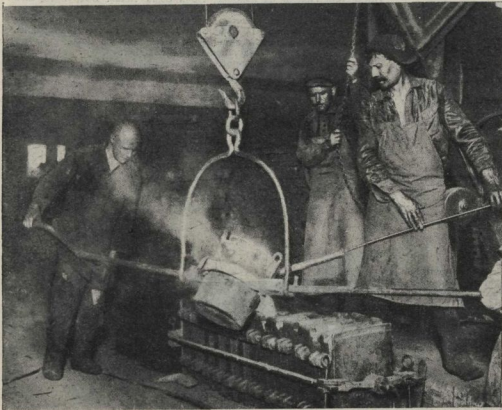
Быстрое развитие техники и производительных сил страны требует немедленного и притом огромного развития технической грамотности населения. Мы очень много теряем от неумения полностью использовать и загружать станки и машины новейших систем, тракторы и др. сложные с.х. машины и орудия. Это происходит прежде всего от чрезвычайно низкого уровня технических знаний в среде рабочих. В крестьянстве не приходится и говорить. Но грозные показатели нашего невежества и необученности не только не должны нас смутить, а, наоборот, должны еще больше нас погорючить, подхвастнуть.

«Мы—нищие люди и некультурные люди»,—писал Ильич,—не беда. Беда было в сознении того, что надо учиться. Была беда в том, что не было бы такое сознание, что надо учиться, что рабочему и крестьянину учиться нужно теперь не для принесения «плоды» и прибавки помещикам и капиталистам, а чтобы улучшить свою жизнь. Сознание того, что надо учиться, безусловно овладело широкими массами трудящихся. Об этом говорит опыт рационализаторских кружков, технических бригад и станций, строительство заводов-вузов, тяга к технической литературе, рост изобретательства, рост количества предложений, поступающих в производственные комиссии.

Технический поход, неразрывно связанный с соревнованием, переходом к знаниям, проводимый всеми рабочими организациями до конца пятилетия—должен не только создать приток в этой области. Помимо действительного, по-большевистски организованного, с вовлечением в него всей массы ученых специалистов и трудящихся должен обеспечить к концу пятилетия выполнение следующих коренных задач: 1) ликвидации технической неграмотности среди всех рабочих; 2) ликвидации технической неграмотности среди взрослого населения колхозов и совхозов (по этому пути уже пошел Глазголитпросвет, создав 300 колхозных университетов) и 3) внедрения технических знаний и производственных навыков среди детского населения в городах и в социалистическом секторе сельского хозяйства.

Для выполнения этих задач мы должны прежде всего соединить творческую инициативу, инициативу сил, широчайшее участие в государственном плане технической пропаганды и просвещения.

Без такого плана мы обречены на крохоборчество и самотек. Рабочие организации, заводы и школы должны требовать создания общегосударственного плана пропаганды в кратчайший срок. Но торжозить или отговаривать от работы по распространению технических знаний, пока такого общественный план еще не выработан—преступно.

Литейный цех.

Жалость

Стихотворение Ал. Суркова

Рис. И. РАБИЧЕВА

Разрезной палисандровый нож,
Трость в причудливых монограммах.
Пара шаров,
Пара галосов,
Золоченая рама.

Тонкий вырез старческих губ
Искривилась, блеклая и грустный.
— Рубль. Дешевле взять не могу.
Вещь сработал мастер искусный.

— Я вам клад отдаю за грош.
(Умоляющий шепот жарок).
Вы помните — ведь этот нож —
Вся счастайший подарок.

За обедни с чужих столов
Разбазарил я все святини.
Вам реликвия — барахло,
Удовольствие за полтинник.

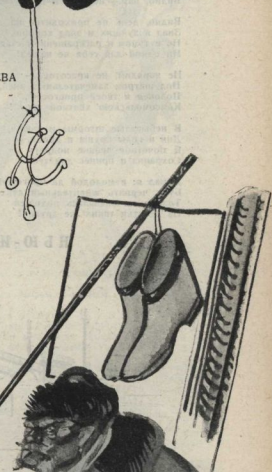
Я затоптан жизнью, беззуб,
Одному, на краю могилы.
Не торгуйтесь.
— Платите рубль...
Погуманнее будьте, знайте.

Рыжий дуч плясал на столе,
Множил зайчики в хламе.
— А сынок ваш меня жалел,
Размочавава шомполами?

Он от жалости мне в глаза
Пялял черный зрачок нагана?
Он от жалости приказал
Пересыпать порохом раны?

Мы отвыкли верить слезам.
Если сын ваш нагринет в гости,
Сдобровать ли мои глазами
Под ударами этой трости?

Нет, Я ненавижу своей
Не хочу размелять на жалость...
Нож остался в пыльном старье.
Сделка не состоялась.

СЕМЕЙНЫЙ РАЗГОВОР

Ив. Молчанов

Не проси у меня оправданий,
Сентябром на меня не гляди:
Видно, разные наши желанья,
Видно, нам — не совсем по пути!

Видно, день не приходится на день...
Знал я лучших и знал хорошо,
Но в тупом и раскрашенном стаде
Ни одной для себя не нашёл!

Не нарядом, не красотой, —
Под шатром замечательных дней,
Полонец я твоей прототипу,
Комсомольскую хваткой твоей!

В небывалые штормы и вьюги,
Дни и годы круши и дробя,
Я почётное званье подруги
Сохранял и принес для тебя.

Думал я: в молодой да пригожей
Буду черпать живительный стих...
Только ты оказалась похожей
На десятки таких же других!

Обманули пустые приметы,
Или ты — оказалась не та?
За твоим комсомольским билетом —
Пустота... Пустота... Пустота!

И учеба тебе не по мерке,
И стихи для тебя — груда!
И тома на моей этажерке
Не плавили тебя никогда.

Далека от любого искусства,
Ты осталась такой, как была...
Я отдал тебе лучшие чувства,
Ничего ты взамен не дала!

О, я знаю: напомнишь о теле,
Скажешь: это, мой друг, эгонизм...
Дорогая, так разве в постели
Мы построим Социализм?

Дорогая, пойми: это жутко,
Это — узкое счастье твоё!
Философия сна и асфальта
Наполняет твоё бытие!

Я тмусь, чтобоь омыт платом,
Авиатором дней и ночей,
Ты — зовешь за собою в болото
Обытательских мелочей.

Я без лести скажу, без утайки,
Не возлюбил и не бранил:
Можешь быть ты прекрасной хозяйкой,
Но хозяйкой не для меня!

Испытавшая злое ненастье,
Испытавшая дни и края,
Не привыкла к семейному счастью
Беспокойная муза моя.

Тут не место горячей обиде,
Речи жаркие спрячь на покой...
Семьяни из меня не выйдет,
Мещанин из меня — плохой!

Так не жди у меня оправданий,
Сентябром на меня не гляди!
Видно, разные наши желанья,
Видно, разные же наши пути!

НЬЮ-ИОРК

Рис. В. ПРОРОКОВА

ДВА ПИСЬМА

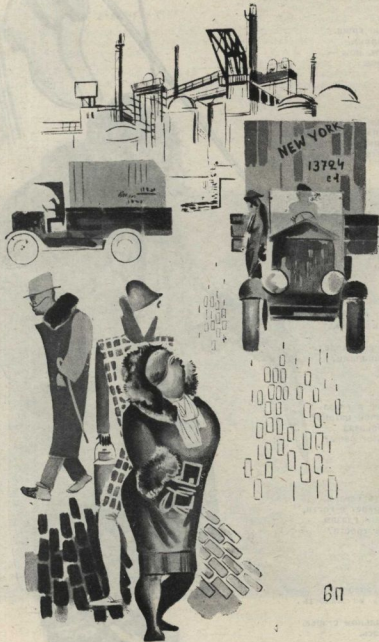
Беспризорник комсомолец

На мне не мало грязи липной,
А ты, как ясная звезда,
Но за одну твою улыбку
Ротом я жизнь свою отдаю.
Ты — словно праздник среди будней.
Порой охватывает жуть,
И ревность расприрает грудь мне,
И пальцы тянутся к ногу.
Но это прежних дней последние,
Те дни остались далеко,
Собой хлестну рассудка плетью,
А ты улыбку успокой.
О, милая моя девчурка,
Не издевайся, не ласовей,
Тебе смешно, что бывшая «урка»¹⁾,
Вдруг провила и тебе любовь.
Пусть я не смыл всю грязь beloved,
Но ты — невинна и чиста,
И, поднятый твоей любовью,
Я мог бы человеком стать...

Ее ответ

Эх, парень, какой ты чудак.
Знаком со мной, уж месяц минул.
Зачем высокопарно так?
Зачем «звезда», товарищ милый?
«Жизнь — за улыбку» предложил!
А эту жизнь ценя не в грош ни,
Её бросаю на ноги.
Дескток раз в недавнем прошлом?
Не вздумай обижаться вдруг.
Любовь само собой — заломин.
Но стыдно бывшему вору
Употреблять жаргон альбомный.
Ты впишешь, что моя любовь
Тебя исправит и очистит...
Ну, так и просит в альбом
Твое письмо на первый листик.
«Засловью» — каккие словеса!
Откуда ты их только выдрал?
Сообрази, к кому писал, —
Ведь я не «визманская выдра». Я
Комсомолец третий год.
Её буду при любой погоде,
И не приму девичьих «льгот»
Ни на заводе, ни в походе.
Любовь по-моему не инфит,
И, как бы я ни любоблял,
Наш комсомольский коллектив
Тебя поднимет с лучшей силой.

П. Железнев

1) Урка — босая, вор.

ИВАН ДА МАРЬЯ

Н. Штушков и И. Радонов

Мы помещаем письмо «комсомолец» Штушкова и Радонина на обсуждение читателей «Смены». Большинство наших читателей — рабочий молодежь. Но интересам коммунист и колхозов они должны болеть не меньше, чем деревенские комсомольцы. Ведь работой в деревне мы решаем большие социальные задачи. Городские рабочие должны помочь деревне не только при создании колхозов. Как более опытные строители, как люди с большим общественным чувством, они должны также учить коммунистов и колхозников налаживать и внутреннюю жизнь на новых началах.

Случай, рассказываемый Радоновым и Штушковым, раскрывает перед нами все те силы, которые сталкиваются между собой внутри колхозов и коммуни.

Как капля воды отражает в себе весь мир, так и этот случай отражает процесс переделки крестьянской ограниченности психологии и психологией передавою, коммунистическую.

Дайте общими усилиями решить, как здесь поступать.

Товарищи из редакции «Смены»!

Вы помните, когда мы уезжали из Среднего Поволжья по приглашению МК, мы обещали писать в ваш журнал.

Прошло уже три месяца. Попало нас двое московских рабочих-комсомольцев в коммуни, которая организовалась за месяц до нашего приезда сюда. Мы не могли написать до сих пор потому, что были завалены работой. Вначале надо было учесть все пожелания членов коммуни. Была у нас и такие коммунисты, которые хотели уехать кое-что, приобрести свое добро в надежде, что коммуни развалится.

Вместе с лучшими коммунистами нам пришлось колесо так задрать, чтобы все почувствовали, что дело затеяно всерьез и надолго.

Семенной фонд на весенний сея уже заготовлен. Осенью мы спешно построили коммунистический скотный двор. Сейчас скотина нашей коммуни уже стоит вместе. В предположение лето мы думаем, что в силах будем выделить группу коммунистов на постройку общей стовой. Это возможно будет, если только во-время政治局 комбайны и трактор, которые мы заказали. Это нам освободит рабочую силу. Ведь один комбайн работает за 300 человек. Словом, мы здесь так заработались, что нам стоит корыститься. Московские наши представления о своей будущей работе совсем нельзя сравнить с тем, что мы здесь увидели и перечувствовали.

Особенно изменилось наше мнение о самих коммунистах: в Москве нам казалось — раз люди решают зажить коммуни, они завтра же собираются единой семьей и по-коммунистически обходят друг с другом. На самом деле все это не так просто. Изменение крестьянского характера идет куда туже. Временами нет-нет, а все же выснываются ядовитые рыло частного хозяинчика. Особенно мучили первые время дня кулака, попование еще до нас в коммуни.

Но и сейчас не надо думать, что у нас здесь все «светлые коммунисты». На отдельных случаях очень часто видишь, что коммунисты подходят к делам коммуни со старой меркой — «как бы себе побольше». То так, то эдак всплывают старые чувства. И за новое надо драться изо дня в день, не пропуская ни единого случая.

Вот вам, к слову сказать, и пример. Это случай, о котором мы хотели бы начать с вас поговорить.

Когда коммуни создавал, в числе прочих 100 крестьянских семей вступил в нее Иван Голозмышин со своей семьей: Марьей Голозмышин и четвертой мамашей. Марья была забитой крестьянкой. Нам рассказывали, что она все плакала и просила мужа в «коммуни» не идти. Внутренне же коммуни дела развлеклись, как говорят, навигатор. За три месяца Марья акклиматизировалась со неграмотностью (этому у нас объявляли всех неграмотных). С другими женщинами она у нас работала скотницей. И особенно ее связало с коммунию то, что на общих собраниях коммуни хорошо было влюбчив Иван за то, что он берет свою жену. На первом собрании ему вынесли выговор и предупреждения, что на следующем раз его за это општрафуют.

Первое предупреждение не помогло. На втором собрании его развелись. Некоторые коммунисты и многие женщины предлагали исключить его из коммуни, как несправедливо хулигана (а надо сказать, что Марья он избивал действительно зверски). Большинство же решило општрафовать его, не выдать ему на этот год отпускных, а все суммы ему отбур.

Результат этого решения получился неожиданный. На завтра после собрания Голозмышин пришел в контору, бросил председателю коммунистическую книжку и затревожал, чтобы ему вернули

все добро (корову, лошадь, соху и др. вещи), которые он с собою привнес в коммуни.

Следом за ним прибежала Марья с плачем, что она из коммуни ни за что не пойдет.

— Гониته меня, толкайте, и отсюда не уйдя и детей не отпущу с тобой вперекор. Пошла я в коммуни 12 лет и короче то слова никогда он мне не сказал. Помыкал он мною как скотиной на дворе. Не пойдю и все. Здесь я равная всем хозяйка, — говорила Марья Голозмышина.

Так что ж, дело самое простое: отпустить Ивана на все четыре стороны. Марья с детьми оставить, понятно, в коммуни. Добро же безусловно не вернуть, потому что все четверо детей Ивана еще нетрудоспособные (старшему 8 лет). Раз он уходит, пусть хотя бы на их счет останется большее имущество Голозмышина. Так удали мы. С этим мы и пришли на правление коммуни, а затем и на общее собрание. В серьезных случаях мы всегда стараемся обсуждать дело на общем собрании (коллективное решение здорово воспитывает).

На собрании выяснилось, что дело это не такое уже простое. Эти вопросы стоят у нас всегда в текущих делах. Мы их обсуждаем после решения более важных хозяйственных вопросов. Но история «Иван да Марья» вышла больше времени, чем все остальные повести дня. Большинство присутствующих резко высказалось против нашего предложения.

— Что ж, — говорят они, — он будет в городе денежки заребать, а мы здесь будем кормить его детей. Пусть он их заберет с собой.

У многих проснулись старые крестьянские чувства. Один коммунист так мотивировал предложение, чтобы и детей с ним выгнать.

— Я, — говорила тот коммуни, — вскармливал, годовал коровушку, а молоко будешь пить дети додры Голозмышина. Никогда я на это не соглашусь!

И почти все собрание поддержало это выступление. Особенно обидно стало, что против нас выступили даже лучшие активисты коммуни. Эти доказывали, что, если детей оставить, другие многодетные коммунисты уедут из коммуни. Один мужчина всегда себе на жизнь легко заработает.

Но все эти толки и передалки не имели успеха: за наше предложение голосовало одно только правление. С трудом удалось нам добиться окончательного решения отложить до следующего собрания. Оно будет у нас в конце февраля. А Иван уже уехал и устроился на Тракторострое в Саратове.

Так как же быть? Не разлучить же Марью с детьми? Не выгнать же ее, раз она так ужилась с коммунию? Чем она виновна, что мужем ей удалось такой тип? Да и детей жалко. В коммуни они будут учиться в школах, вырастут полезными людьми. В семье же им придется жить в диких условиях постоянных драк и скандалов.

Мы еще сами не знаем, с чем мы придем на будущее собрание. Пожалуй, мы сделали глупость, что поставили этот вопрос на общем собрании. Нужно было его провести постановлением правления. Потурья бы — и дело улетело.

Мы бы вас очень просили спешить с советом. Надо найти выход, который удовлетворит хотя бы большинство. А не то спайка наша может развалиться.

Вот у нас какие здесь дела. В Москве мы этого совсем не ожидали. Больше у нас успехов. Весенний клим мы расширяем на 57%. Но немале у нас и трудности, сами видите.

Товарищский привет. Ждем ответа.

В К Р А Ю К О М М У Н

Н. Коптев

Я воспринял эту короткую телеграмму, точно весть, о революции, в Германии:

«Питого учредительный съезд коммуны имени «Молодой Гвардии» 2 тысячи хозяйств, 44 тысячи га. Шлиге представляется».

Было много недоуменных вопросов: почему имени «Молодой Гвардии»? Где эта коммуна? Каковы ее нужды? Чем ей помочь? Сразу их не решишь. Да и решать-то было некогда! В тот же день с Казанского вокзала, вокзала, от которого начинается поистине «крестьянский путь» — через Рязань, Колово, Тамбов; вокзала, высокие своды залов которого всегда в сизом, махорочном тумане — и поехал «попредомо» в коммуны.

Скорый мало походил на себя. Мои спутники по вагону, именно в этой связи, особенно усердно вспоминали Максима Горького, почему-то ставя «серепаший» и абсолютно нетерпимый тем поездом в прямую зависимость от великого пролетарского писателя.

В вагоне не было света (маленькая невезучка, живущая еще на первых шагах пятилетки). Надежда прочесть газету погасла, как отгорк сальной свечки в фонаре. Спать не мог: мысль о коммуне, о новой жизни, о новых людях советской деревни настойчиво сверкала мозг...

Уезжая, знал очень мало. Коммуна находится в Ховерском округе, в том самом округе, крестьяне и казаки которого пока без помощи машинно-тракторных станций решали организоваться в колхозы, обобществляя землю, средства производства, скот, труд, жилища.

О Хопре — районе сплошной коллективизации — много писал «Правда», точно не помню уже что, но... это и не так важно, — ведь, я туда еду!

Попадаи остались: 600 километров, забытый допустянок, мигающий в темноте, как единственный желтый глаз ночи, санний путь ночью в метель, часы липкого и холодного облития зноя, когда утопали в снегу лошади по брюхо, когда возникли обивались по пять раз с пути и ругались, ища дорогу, залякая на ветру спички, присаживаясь и разглядывая санний путь, перерезанный поземкой.

Попадаи станция Урюпинская — в прошлом одна из богатых и больших станций Верхнего Дона, а ныне — Урюпино, окружной город Н. Волжского края; попадаи ретроспективнае воспоминание моего возчика о днях гражданской войны и эпизодах революционной борьбы хопрцев по линии Балашов — Поворино — Лиски; попадаи уже несколько хуторов курючих дымом крестьянских очагов...

Что же вперед? Вперед — коммуна.

Было уже 2 часа дня, когда мы подошли к избе-читальне станицы Михайловской, где должен был, по указанию проехавших, проходить учредительный съезд коммуны.

В нетопленной избе-читальне, сгрудившись около стен и на деревянных скамьях, покуривая «собачью ножку», степенно, в общем с достаточным порядком, заседал совет коммуны с активом.

На съезде я опоздал, хотя и спешил «наперекор стихиям». К моему появлению отнеслись как неслив лучше: не прервали своей деловой работы, предоставили мне тем самым возможность проверить, чем живет коммуна и каков ее боевой штаб.

Это было действительно своеобразный штаб. Председательствовал недавно пригнанный в снет «Эльбо», но сумевший в короткий срок заслужить доверие и симпатии коммунартов Т. Исаев, нижегородский рабочий партией. Великодушный организатор, массовый, честный и преданный партии большевик, — он, несмотря на относительную свою агрограмотность и на полное отсутствие практических навыков в специально крестьянских вопросах, — великолепно справлялся со своим делом.

На собрании было несколько кожаных тулжурок, несколько буденков. Все это — преимущественно партийно-комсомольская часть штаба коммуны. Несколько женщин. Преобладающий возраст — призывники гражданских боев — тридцати, тридцати пяти лет.

На заседании — вопрос о весенней посевной кампании. Коммуна берет на себя обязательство увеличить посевную площадь на 60%; повысить урожай на 20% против прошлого года. Организовать садово-огородный питомник на 1500 га.

Также показатели требуют огромного напряжения сил.

Это всегда помнит совет — боевой штаб коммуны. Поэтому каждый из присутствующих очень активен; поэтому-то каждое

предложение струго практическое, ценное и важное.

— Ну, кабыть, все порешили! — говорит член совета бородач, но бойкий старик, без единой седой волосинки на голове.

— Да, как будто! — разноголосо слышится из уст остальных.

— Эх, и не все! — хитро подмигивая, продолжает старик, как будто нарочно растягивая время, в котором он пребывает единственным обладателем какого-то нового предложения. — А снег-то пахаты будем мы или нет? Про снег-то ведь забыли!

Старик оказался прав, и его предложение, соотое, наверное, по числу всех уже принятых советом коммуны практических предложений к осенней посевной кампании, было принято без прений и единогласно. Все с местных хуторов, и всем ясно и понятно, что, действительно, надо принять все возможные меры к тому, чтобы задержать при тавнии снета плату на полях.

— Урожай — великое дело для нашей коммуны! — уже с сияющим лицом победителя заключает старик.

И когда из другого угла, из-за печки, поднялся другой член совета и начал говорить: «Теперь мы, как коммунармы-молодогвардейцы, значит, должны показать нашим шефам, что мы великий план сена». Он все время своей короткой речи серьезно смотрел на меня, давая, видимо, этим понять мне, что его речь расчитана, главным образом, на меня, но что он говорит от имени всего совета, всей коммуны.

Этому коммунару-молодогвардейцу было ровно 57 лет. Меня не смутало такое несоответствие звания и возраста, — мы привыкли за годы революции к контрастам. А в данном случае я уверен, что эти слова шестидесятилетнего коммунара — «молодогвардейца» — не пустые слова, а заявление новой советской деревни, сносившей сегодня частокотлы единоличия, распахавшей сегодня межи индивидуальной хозяйства, обобществившей сегодня скот и труд, — о том, что она, под руководством пролетарского города, пошла единой огромной массой в великий поход коллективизации.

Было холодно в избе-читальне. Однако из присутствующих на собрании крестьян никто холода не чувствовал — все были сильно

Заседал совет коммуны с активом

возбуждены, ожесточенно спорили, подавали реплики—преимущество крестьянские пословицы, — и мне было весьма стыдно за то, что я замера. «Городской, — пронеслось у меня в голове,—звать, жила товарищ! Но я крепился».

Но финальная часть состоялась в собеседовании крестьян-активистов с т. Исеевым, прошедшим перед посылкой в деревню соответствующие курсы переподготовки по вопросам организации управления хозяйства и жизни коммуны.

Если в городе крепко вошло в быт слово «товарищ», то в деревне широко начинает завоевывать права гражданства слово «коммунар». За короткое свое пребывание в коммуне я мог убедиться, что крестьяне высоко ценят это нарицательное имя.

Второе, что бросилось в глаза,—это то, что крестьяне-активисты достаточно толково и правильно говорят (и не говорю уже о том, что в этих выступлениях нет и тени сентенции или божества).

Весенний сев — это первое и главное. Что же волнует коммунара — во-первых? Над чем ломают они себе голову? Какие сомнения их мучают? Какие трудности встают на пути их творческой и самоотверженной работы?

Главное — вопросы организационные. Устав ясно говорит: «Объединение крестьянских хозяйств в коммуну означает обществование всей их земли, всех средств производства, труда крестьян — в одно хозяйство коммуны».

Этот пункт сев. Но он и непонятен. Каждый день управления и хозяйствования в таком огромном хозяйстве, охватывающем 44 тысячи га земли, свыше 2000 хозяйств — нагромождает массу практических нелепостей, и их-то приходится решать сейчас же, на ходу, на работе. Вокруг этих-то вопросов и вертятся преимущественно беседы.

Раньше коровы «Манька», «Зорька», «Буренушка» стояли в сарае поддошнике, и каждая крестьянка заботилась о ней, кормила ее, поскольку это было в ее силах, била ее, ущемляя в этом себя ради подорожания своего бюджета за счет товарного молока. То же было и с овцами, и с лошадами.

А теперь иначе. Коровы бьются, лошади — весь скот сведен на специальные базы, которые разбросаны по хуторам коммуны, и за скотом уже на этих базах необходимо обеспечить уход.

Новая обстановка, новые условия труда создают новые формы руководства, новые терминны, новые институты рабочих в сельском хозяйстве. Именно в связи с этим начинают появляться «групповоды», т.е. старшие рабочие на базах, обязанности которых руковождать 3—4 остальными рабочими на той или иной базе. Появляются «бригадиры», т.е. заведующие группой баз того или иного хутора коммуны, которые руковожат уже групповодами.

Внутренний распорядок, принятый организацией труда в коммуне имеет чрезвычайно много общего с организацией труда на фабрике, на заводе. Каждый коммунар имеет расчетную книжку, выдается табель для работы, вводится очередь, нормы, штрафы, выписываемые при посылке на работу, при поездках и т. д.

— Что же, выйдет—будем работать, как в городе, 8 часов?—спрашивает неуверенно один из коммунаров-стариков.

В коммуне

Я наблюдаю за ним и чувствую, что он всем своим внутренним и хочет, и не может верить, не может мириться с подобной постановкой вопроса.

— Да, восемь, — отвечает т. Исеев,—этот пока. В городе работают уже 7. И мы вам восстановим, организуем за год хозяйство коммуны, тоже перейдем на 7 часов.

Я смотрю на эти заскорузлые крестьянские руки, с извечной грязью под ногтями, на заросшие лица, обветренные багровые щипы, сутулющиеся сидицы членов совета, сидящих подаль и утопающих в позуармы и своем думу—и мне вспоминаются образы, так ярко и непосредственно введённые Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо?».

Вот он—образящий, в поддевке, с маленькими, как у свиньи, глазами на широком лице—барин-покешир Гаврило Афанасьевич

Обоуден, который, философствуя о пользе культуры для крестьянина, говаривал:

На воей гребь, Грыз-матушка,
Как кизема на преступинье,
Как на дене завро,
Два слова маляралло:
«На, вино и распичноч»,
Чтоб их читать, крестьянина
Мудрей русской грамоте
Не стоит обучать».

Отшли в историю бары Обоудены и не стоит уже больше десятка лет это тавро на Руси. Новые поколения знакомятся с портретами Обоуденых уже по произведениям литературных классиков,—по бескультурно-проклятым наследиям церкви, осталось еще до сих пор и висит на ногах крестьянина чужной гирей.

В коммуне 2 тысячи неграмотных! Давай, изучай, тырмайт невежество! И чтобы это понятие во всей глубине, надо было видеть,

как один из коммунаров, группово, в тебене получаса еще пытались уснуть себе, как и когда он должен выписывать наряды по своему хутору на рабочую силу для базы.

— Карбиды я могу, а писать вот, шип, не научился... — оправдываясь, усаживался коммунар, поняв, наконец, все тонкости «нарядной техники».

У коммуня есть и свои мечтатели, за которыми тянется преимущественно молодежь, особенно горячая, особенно восприимчивая.

Уже был разговор об организации в одном из кулацких домов, что жилищно-расположен летом в лесу, в обширных садах, на крутом правом берегу Хопра, а в хуторе Бубновском, дома отбыха, для своих больших коммунаров и «для шифера» — бросили коммуняры, поглядывая в мою сторону.

На собрании сидел председатель сельсовета. Высокий, в меховой трехухой шапке, с папирсой во рту, в ватном сером полу пальто — он почти все время сидел молча, торжественно и вяло.

Я не мог сперва понять его малой активности, но мне разглядел. «Председатель сельсовета не знает, что ему теперь делать. Все делает совет коммуны...» Я вспомнил «Правду» и дискуссии о необходимости низовых органов советов в районах сплошной коллективизации. Вспомнил — да помню, насколько реакция теории ликвидации органов диктатуры пролетариата в дни ожесточенной классовой борьбы в деревне.

Но вместе с этим я понял, как трудно этому председателю совета освоиться здесь место, свою роль в новой, коренным образом изменившей все, обстановке. Я ощутил какое-то теплое чувство радости и симпатии к председателю. Вспомнил — да узнал от соседей, что «он чужаку теперь себя именничком».

В этой мысли есть большое зерно истины, почему бы председателю не расширять коммуны?

— Неодиначное собеседование, длившееся 3 с лишним часа, кончилось.

Надо было вернуться на почкуе. Уже было часов 9 вечера, когда мы (т. Исаев, я) и некоторые другие члены совета коммуны) в санях-розовых ехали из ст. Михайловской в хутор Бубновский — центр коммуны.

По темно-синему аэроланду небо катился блестящий диск луны. После городской сутелюлки эта ночь среди среднего пустынного поля казалась такой молчаливой и настороженной! По обним сторонам дороги чернел курстарик, влали на нагорье, что у Хопра, мигали слабыми огоньками «керосинку» хуторские хаты. Усталость после такого необычного путешествия на лошадей на морозу брада свое — хотелось спать, хотелось тепла...

Хозяева, у которых остановились в с одной товарищеской именной переделке, прислаивали для работы в коммуну, были приветливы и любознательны.

Проподыхалась с гудом ярким огнем от соломки махляющая железная печь, перед ней, накалившись, до-красна. Старо душно немощь.

Хозяйка вскипятила чайник. За чайничком речь сама тихо льется, а времена теперь такие, что есть о чем поговорить.

Меня очень интересовал вопрос о поведении кулаков в селинских коммуны. Мои собеседники (если не считать только что прибывшего в коммуну бывшего рабочего) отвечали: первый — муж хозяйки, невысокий, сторбявшийся старик, а жилетка, валежник, с ужасно лохматыми нависшими бровями, подполковник, а сзади — председателем сиватым голосом; второй — бывший председатель совета колхоза «Красная Алуловка» (вышедшего теперь в коммуну) — Шуник, — в кубанке, в черной телюке тузурке, бритый, с вечно норовящей злобой улыбкой на губах, в сапогах с высокими резиновыми галошами и портфелем в руках.

— У нас по хуторам, — говорит Шуник, —

около 240 лицезещ. Из них, примерно, 100 кулацких хозяйств, остальные — жандармы, есаулы и другая сволочь.

— Ну, а как же они ведут себя сейчас, в связи с организацией коммуны?

— Притихли, — ахес, один по одному, и раскулачили. — Он говорит и при этом делает какой-то своеобразный жест правой рукой, на которой предостережительно оттопырен большой палец. Я это тогда никак не сразу, что это своеобразный жест бахвалства.

— Ну, и что же, — продолжало допытываться я, — агитация значит никакой не будет? — Нет, поговаривают, — черешня! После очередного паузы, вступает в разговор хозяйка, — Только уж теперь ничего не поможет!

Я пытаюсь мысленно отгадать, в чем причины такого категорического заявления старика, и, словно угадывая ход моих мыслей, после некоторой паузы он раздается:

— Нет, поговаривают, — черешня! После очередного паузы, вступает в разговор хозяйка, — Только уж теперь ничего не поможет!

Я пытаюсь мысленно отгадать, в чем причины такого категорического заявления старика, и, словно угадывая ход моих мыслей, после некоторой паузы он раздается:

— Нет, поговаривают, — черешня! После очередного паузы, вступает в разговор хозяйка, — Только уж теперь ничего не поможет!

— А что же, — парочно растягивая ответ и поглядывая шипком на наберен, говорит Шуник, — несной выселим их на худую землю, на краю коммуны. Пускай похозяйствуют!

Я попытался белго, на ходу беседа, прокула, велья, этот процесс выселения кулаков из собственных их домов на худшие окраинные земли, и мне стала совершенно очевидной перспектива огромного ожесточения в этой борьбе классовой борьбы на территории коммуны.

Кулаки, о которых Ленин в свое время писал, что они «самые зверские, самые грубые, самые лживые, самые эксплуататоры», безусловно ожесточенно сопротивляются этому выселению. Кто знает, может быть, загуляет по хуторам коммуны «красный петух», пущенный озлобленным кулаком, задумается опыт кулацкий обрыз, утративший от советской власти в земле, может быть, изворотливый классовый враг придумает и попытается организовать каку-нибудь злодейскую провокацию.

Если коммуняры, все крестьяне хуторской коммуны, в том числе и среднее крестьянство (а его в коммуну 24%), пойдет спешными рядами на кулака, тогда он не так страшен. Тогда коммуна победит кулаков. Это — главное, а уж в твердости пролетарского руководства т. Исаева я уверен!

Шуник спешит в кино — идет тонкая карлика. Вспомнил, он быстро уловил, что из того, что Шуник так быстро ушел, или от того, что он пошел именно в кино, — старик-хозяин недоволио говорит:

— Хороню, что у нас теперь товарищ Исаев, голышый и олене-худой человек. Не то, что этот, Шуник, — мотуза голозой в сторону двери. — Не выбрало его крестьянство, потому — командовать больно любу, а дело-то плохо понимается.

И дальше старик рассказывает мне, как Шуник набел полный портфель книжками и носит их месяц, хвастает, хотя ни одна книжка не разрезна. Революции кледет обязательный красный карандаш, подкапывается хитро, заниткушкой. В Урюпиню едет обязательно парой хороших лошадей. А хедары любуи ходить, да и сейчас еще везет на работу хуторской коммуны — фанерником. Любит его встречными под нос совать...

Я узнал в типе Шуника образ отживающего уже коммуниста — деревенского работника, бывшего красной караванщице, подкапывался эпоха военного коммунизма, который любуи командовать, тянуться за городом в области его худших традиций и черточек...

бюрократизма, чванства и т. п. Шуник — старик партизан и был сильно любуи хуторянами за смелую борьбу с бабьими, — по тереть «крестьянство его не было» в советском хозяйстве. Крестьянам нужно другое руководство. Пролетарское руководство, умение повести крестьянские многомиллионные массы в великий поход за коллективизацию, терпеливо разясняющее все недоразумения, возникающие в процессе организации коммунаров трудовым энтузиазмом коллективного труда на общей базе, непримиримо борющийся с кулаком.

— Неужто же у нас есть истинного в коммуне? — спрашиваю, видя длительного пребывания на морозе третьей стаки как с черешвым вареньем, спрашиваю а старика-хозяина.

Он немного молчит, брмга «собачью пожку» из старой газетной кутма. Потом, пахнув клубом махорочного дыма, говорит: — Вот с дубянами у нас в коммуне — беда! Не хватает денег-то! Месина три сабелы денеги в задаток за тракторы. Собрали на ИТ тракторы. А теперь вот совет коммуны постановил отдать, значит, все деньги в недельный фонд коммуны.

Старик задумывается, разла махоркой, сплюнув и медленно продолжал опять: — Оно и понятно. У меня-то, да и у других, которые из бедноты — грамоты, какие есть, не трудно отдать. А мы, знаете, некоторые, кто из середняков, перед входем в коммуну, не все, а кой-чего продали. Хотели, значит, — поясняет старик, — обеспечить себе житья на всякий случай. Ну, вот, теперь в коммуну-то они их не отдадут.

— Да, так-то дела! Не хватает, значит, нам денегята, а это с бы сразу дело двинули! — заключает старик, отбросив трубку.

Сам по себе факт обобществления индивидуальных средств в недельный капитал коммуны, в условиях еще существующих хуторских индивидуальных отношений, произвел на меня колоссальное впечатление. Подумал только, как быстро и далеко шагает процесс обобществления в деревню! Но вместе с тем не надо себя обманывать, — этому процессу сопутствует отнюдь не фигура индивидуализма. И если говорить о среднем массовом походе в колхозы и здесь он, видимо, решил (да пусть само вопрос о своем хозяйстве, но в вопросе о деньгах над ним довлеет еще частный традиций, отношения к деньгам, середняк еще не понимает того, что обобществление его хозяйства в коммуну, в конечном счете, решает в значительной мере судьбу применения и использования тех средств, которыми он сегодня обладает.

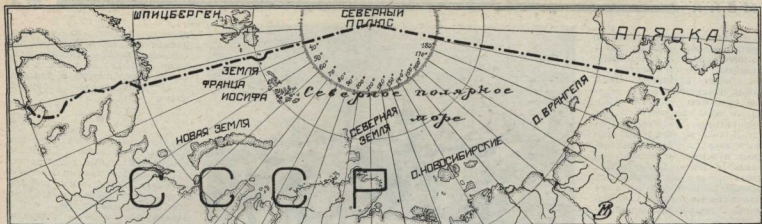
Этот уже классовая борьба, но, если хотите, это наиболее ярко выраженные черты частно-социалистической психологии, корнями своими уходящие в классовое расхождение между трудящимися и эксплуататорами в первый день великого похода коллективизации — еще не стертые окончательно.

Старик рассказал мне дальше, что местное учительство и агрономы — антиобщественные и социально-чуждые элементы. Они выселяют всех хуторской коммуны на рождество вынело решение о закрытии всех церквей на территории коммуны и что только вчера хуторская молодежь организовала кружок безбожников...

Утром, когда я уезжал, я достал рубль, чтобы заплатить хозяйке за ночлег. Но тут случилось неожиданное, поломаше установившуюся вековую традицию.

— Хата теперь коммунальная. Совет теперь не имеет права и не за что платить! — заявила хозяйка, взглядом нис одобренную у мужа, разживающего пень.

Смущенный, я ехал обратно на станцию и всю дорогу вспоминал слова хозяйки, обоняв запах омытого туалета, и в своем сознательном, думал о том, как правдивее и проще рассказать о великом, что переживает наша советская деревня сегодня.

ЛЕДЯНОЙ СЕКТОР

А. Морозов

Впервые люди на штурм Севера оторвались в XVI веке.

Представители всех народов пытались рассеять легенды о Северном полюсе, прорезать его льды. Один шаг увлеченные авантюры, другие старались разрешить проблему Северного пути, а третьи захватить в свои руки богатства Севера. Шведы, англичане, датчане, норвежцы, русские пробыли путь к полюсу. Но одинаково для всех был необходим сверкающий льдами заманчивых океан. Целями столетиями штурмовали его люди без успеха. Не сдавался Север, жестоко наказывая смельчаков, пытавшихся овладеть его богатствами, раскрыть тайну его торосов. Как средневековый замок, окруженный валом, неприступным фортом был полог, омываемый Северным Полярным морем. И все, кто шел на штурм его фортов, — все эти смельчаки были обречены на гибель. Океан расстался между льдами корабля мореплавателей, мороз превращал человека в окаменелость, голод морила путешественников.

Русские начали плавать по морям Арктики давно. Еще поморы искали новых земель и выходили в Полярное море на зверобойный промысел. Но и к ним Север был безжалостным. Сотни поморов ушли на дно и захлебнулись в острокошеной, как игла, холодной, северной воде.

Деревянные обветренные кресты на вершинах диких островов океана хранят тайну истории российского мореплавателя. Их ставили своим товарищам, умершим от цинги, выброшенные на берег поморы.

В прошлом столетии люди шли на Север уже вооруженные знаниями. Однако, до овладения летательной машиной, человек не смог победить океан и открыть полюс.

По странной иронии судьбы, честь открытия Северного полюса досталась не тем, кто злелая мечта об этом, кто через трупы своих собратьев веками пробивался сквозь ледяные торосы. Не ученый открыл Северный полюс. Впервые над этой точкой земного шара появился американский летчик Бэрд. Спортсмен, рискованный в полетах, Бэрд без серьезной подготовки пересек в 1926 г. полюс на спортивном аэроплане.

Начало изучения Севера в Советском Союзе определяется датой — 15 апреля 1926 года. В этот день ЦИК СССР издал постановление, по которому все земли острова, расположенные в Северном Полярном море, к северу от побережья СССР до Северного полюса, являются территорией Советского Союза. Географически это определяется меридианами в 32°45' и 168°48' западной долготы. Декрет этот открыл для нас новую эру. До революции русские шли на Север с завоевательными целями. Теперь же, когда исторически сложившиеся обстоятельства сделали прилегающую к нашим берегам часть Полярного моря советской территорией, — все стремления советских экспедиций направлены исключительно с научной целью. Существующий Институт по изучению Севера уделяет Полярному морю серьезное внимание. И не экспедициями от случая к случаю, как было раньше, а систематическим изучением наших арктических владений занимается советские ученые.

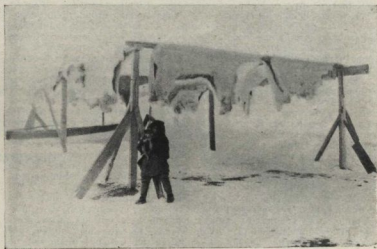
Современная наука и техника мобилизованы в СССР до пределов и особенно в деле изучения Арктики. Ледокол, аэроплан и радио — вот основные помощники советских ученых. При их помощи проводится на Севере большая научная работа.

Для многих еще не ясно, зачем, мол, нужно изучать Север с его морозами, тратить на это средства и человеческую энергию? Иностранцы полосоискатели, рискуя быть растертыми льдами, плавали на кораблях. Русские поморы выходили в море на карбасах и шлюпках. Но те и другие гибли сотнями. Север же с его дорогими мехами и зверобойным промыслом «делал людям деньги. И люди сознательно шли на гибель. Так было раньше.

Теперь нам необходимо овладеть Севером по другим причинам. Развитие авиации и дирижаблестроения требует в самое ближайшее время проблему пути, соединяющего Америку и Европу через арктические страны. Путь этот лежит через Северный полюс. Поэтому, естественно, оправдывается и стремление человечества разгадать эту страну, иметь все данные о ней. Кроме того,

Север — главное сборное место для Европы и Азии. По авторитетному мнению ученых всего мира погоду делает Север. Ежегодное перемещение льдов (кстати сказать, явление это не изучено), северные туманы и ветры — вот, от чего зависит температура Европы и Азии. Изучив природные явления Севера, мы сможем своевременно знать о надвигающихся морозах, тепле и ветре. А это очень важно в планировании нашей жизни и хозяйства.

Для СССР изучение Севера имеет еще и экономическое значение. Прохождение судов Карской экспедиции, работа Мурманского и Архангельского портов, зверобойные промыслы — все это зависит от погоды, от метеорологических условий. Зная эти условия заранее, мы сможем без всякого риска, в плановом порядке, проводить ту или иную экспедицию.

Сушка мольбежых шкур

Разведывательный самолет на корме парохода. С помощью самолета исследуются льды

Не случаем или фантазией изобретатели мы объясны тому, что имели самые лучшие в мире ледоколы. Это объясняется хозяйственным развитием нашей страны, начавшемся еще в середине прошлого столетия. Первый ледокол построен у нас в Кронштадте Британием в 1864 году. В конце же 90-х годов прошлого века в России был построен и первый ледокол-коLOSS «Ермак» с двигателем в 10 тыс. индикаторных лошадиных сил. Построен ледокол по чертежам знатока северных морей С. О. Макарова. С тех пор прошло не много лет.

Нашему прогнившему паразиту пришла рабоче-крестьянская власть. Годы разрухи сменялись годами реконструкции хозяйства страны. И ледоколам понадобился снег. Но если по мысли Макарова в задачи ледокола входило научное исследование Полярного моря, то у нас, кроме расширения этих задач, для ледоколов явилась новая цель — разбудить Север к деловой экономической жизни.

Ледоколы давно уже стали хозяйственной принадлежностью нашей страны. Они дали возможность проложить в зимнее время флотилии судов в Финский залив и на Дальнем Севере, с их помощью мы пробираем путь из Европы в Азию и обратно. «Красин», «Малыгин», «Седов» и «Литке» покрыли славою советскую страну. Они одинаково рьяно борются со льдами как в своих славных походах за спасение челюскинцев зимой, так и в повседневной работе, по обслуживанию хозяйства СССР.

Научно-исследовательская работа нашего Института Севера также дала целый список завоеваний при помощи ледоколов. Ледокол победил Север. Но только наполюгов. Ибо нам пришлось испытать немало тревог за судьбу того или иного ледокола, борющегося со льдами Полярного моря. В будущем и этих опасений не будет. На помощь ледоколу явилось радио. В этой области мы пошли значительно дальше других стран. Если сравнить сеть разбросанных на северных окраинах СССР радиостанций с сетью таких же станций других стран, — для каждого будет ясно, что это именно так. Наши полярные станции определяют погоду, передают об этом на ледоколы, и последние, вооруженные картой погоды, могут выбирать свой путь по безопасным местам.

Но ледокол и радио в Арктике, также без применения современной авиационной техники, еще не являются полными хозяевами за полярным кругом. Полным победителем Севера будет тот, кто пойдет в полярные страны, вооружившись сочетанием ледокола, радио и аэронавта. В этом отношении наши спасательные экспедиции 1928 г., экспедиции на о. Врангеля и др. являются исторически не только потому, что, пользуясь превосходными техническими средствами, героические команды судов достигли блестящих результатов. Эти походы ледоколов показали нам, какого огромного размаха мы можем достигнуть в нашем хозяйственном строительстве, тесно применяя ледокол, радио и самолет.

Работу ледоколов мы давно узнали. Но когда мы на опыте лет в тяжелой обстановке полярных льдов убедились, что повившиеся над ледоколом самолет, связанный с ним по радио, служит ценнейшим путешественником во льдах, мы должны наречь все усилия к развитию авиационных путей на Севере. Ведь это не только расширит возможности ледокола, когда он вместо того, чтобы без пользы пробиваться, тронуть зря угол, изнашивать корпус и машины, быстро отыщет удобные разлоды и расколы во льду и пройдет к намеченной цели.

Воспитываю северян — оленей.

стаетным хозяином Севера и до нам смысле этого слова, может быть назван только Советский Союз.

Вспомните эпопею Нобиле, нашу экспедицию на землю Франца Иосифа, экспедицию на о. Врангеля — и станет ясно, что только советские суда могут спокойно плавать среди льдов Полярного моря. Последние же месяцы дали знать всему миру о завоевании Советского Союза и по линии авиационного обслуживания Севера, при чем в основу развития авиации на Севере заложены не коммерческие, а научные цели.

Из американской печати мы увидели растерянность американского общества, когда слышали: Эйльсон, покомандиривший Свенсону выложить дорожку меха из Сибиря в Нью-Йорк. До этих пор американцы считали себя победителями Севера и, развивая воздушную сеть, не задумывались над проблемой Севера. Случай же с Эйльсоном показал им их ошибку.

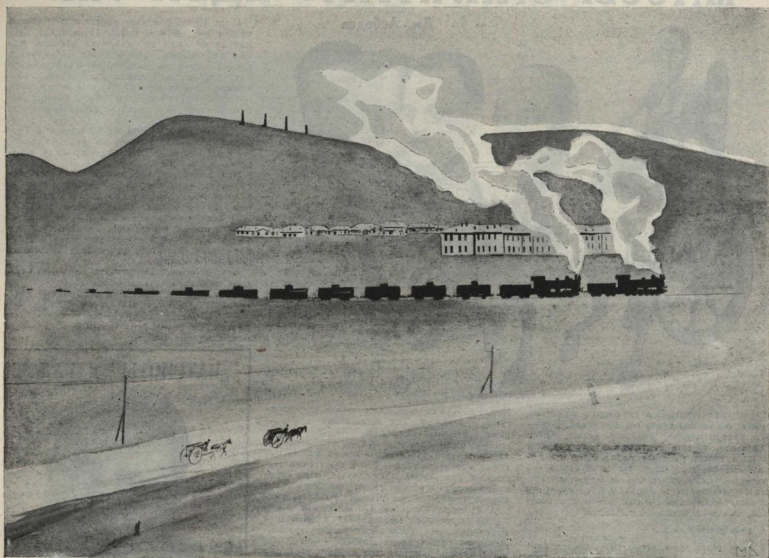
ЭЙЛЬСОН И БОРЛАНД ПОГИБЛИ

10 ноября из американского порта Толлер вылетел самолет типа «Гамильтон 53», направлявшийся к мысу Северному и имевший на борту пилота Эйльсона и борт-механика Борланда. Этот самолет к месту посадки не прибыл. 18 ноября шхуна Свенсона «Надус» получила от прибрежных чукчей сведения, что самолет пролетел в районе реки Ангуема. 29 ноября штурман шхуны «Наукус» Бердоло вышел с 2 нартами на 30 миль, но ничего не обнаружил. Наступившая зима не дала возможности американским и советским самолетам совершать рейсы до двадцатых чисел января. 28 января американский пилот Кроссон обнаружил по тону на снегу крыло самолета. По распоряжению капитана Миловозова и г. Свенсона были начаты раскопки.

Самолет на колесках с верхним расположением крыльев и мотором в 760 сил найден в 100 километрах от берега сильно разбитым и искоренным. Мотор найден в 10 метрах от фюзеляжа, правое крыло — в 30 метрах и правое колесо — в 100 метрах сзади. Ось изогнута. Пилотская кабина разбита. Ущелено левое сиденье. Вся машина разбросана на площади 100 метров и погребена в 4-метровом плотном снегу. Откопаны резервуар Эйльсона, силочные бидоны из-под бензина и мешок из-под сахара со следами крошки.

Капитан Миловозов, начальник летного звена Степнев, начальник пограничного отряда Кучина, американский тр-н Свенсон и старший американский летчик Чундло признали, что гибель Эйльсона и Борланда — факт бесспорный.

ЕДИНСТВЕННЫЕ В МИРЕ

Л. Баржанский

Основным сырьем минеральных удобрений являются фосфориты, обильные месторождения которых имеются у нас. Но, к сожалению, не все месторождения исследованы.

Открытые недавно академиком Ферсманом хибинские апатиты Мурманского округа будут иметь огромное значение для нашего сельского хозяйства.

Получение из фосфоритов фосфоритной муки не представляет уже трудностей, так как все производство сводится к механическому измельчению.

Апатитовые месторождения, согласно заданию академика Ферсмана в Комитете по химизации, являются единственными в мире.

Самое мощное месторождение находится всего в расстоянии 25—35 километров от линии Мурманской железной дороги.

Общие запасы только чисто апатитов составляют не менее 100 млн. тонн. Вместе с апатитом залегают и нефелин, обрабатываемый уже давно на себя внимание со стороны мировой промышленности, но еще не сделавшийся объектом крупных производств из-за невозможности найти мощное месторождение.

Нефелин, получаемый как отброс от апатита, может найти огромное применение в стекольной и керамической промышленности.

Кроме нефелина в этих породах имеются: титан — необходимый для получения титана

новых белки, фтор и стронций. Общие запасы всех пород вместе не меньше 500 млн. тонн. Для более детального уточнения запасов сырья геологические разведки продолжают, а лаборатории и научно-исследовательские институты займутся и ближайшее же время разрешением вопросов, связанных с нефелино-apatитовой проблемой. Для более успешного разрешения этих вопросов в 5 километрах от рудника будет построена текущей зимой Академией Наук научно-исследовательская станция на обязанности которой лежит закончить работы, которые уже в течение 10 лет вела экспедиция академика Ферсмана на Кольском полуострове в глухой Хибинской тундре. Но работа не ограничится только названным институтом, а будет распределена между исследовательскими институтами Москвы и Ленинграда.

Но даже сейчас, без детальных исследований в научных институтах, выяснилось, что ценность месторождения апатита выражается в 2 миллиарда рублей, ценность же нефелина — не меньшая. Эти запасы вполне достаточны для удовлетворения Советского Союза в части фосфорнокислых удобрений на несколько десятилетий. Но помимо удовлетворения собственных нужд представляется возможность сделать их предметом экспорта особенно в Германию, которая, не имея собственных запасов фосфоритов, приобретает таковые в Марокко, всего ежегодно около 500 000 тонн.

Все эти огромные возможности заставляют форсировать вопрос об апатите, в виду чего Комитет по химизации постановил немедленно организовать специальный трест «Апатит», на котором должна лежать обязанность полностью использовать апатитовые месторождения.

Вся важность, вся актуальность этого вопроса наша свое отражение в постановлении Экоса РСФСР от 5 октября, который признал за хибинскими апатитовыми месторождением первостепенное значение. Вместе с тем он постановил провести железнодорожную ветку в район Хибинских рудников, с окончанием постройки не позднее 1 августа 1930 г., и постройку в Ленинграде обоганительной фабрики для апатитов с одновременной постройкой рабочего поселка в Хибинском районе.

Одновременно Экос РСФСР дал распоряжение ВСНХ РСФСР и ленинградским правительственным органам совместно содействовать этому новому грандиозному начинанию.

Академик Ферсман в своей статье, опубликованной в одном из журналов Академии Наук, говорит:

«Хибинский массив представляет один из интереснейших участков не только нашей природы, но и всей земной поверхности, с ним связан не только ряд интереснейших и глубочайших научных проблем, но и ряд совершенно новых и заманчивых перспектив промышленного характера».

МАССЫ ЗАПАЛТАТ? ЕДВА ЛИ!

Дм. Лебедев

Социал-демократические министры в упряжке Шахта

«Бои заплата» в Франци в дни войны стала официальной. Бои— это презрительное название немца. «Бои заплата», то есть Германия за счет крови и пота своих рабочих расплатится за поражение ее буржуазии. На это строились расчеты тысяч маленьких и больших буржуа, чиновников и интеллигентов и внешних мародеров, министров и проституток, попов и триповладельцев.

Если разграбят дом — Бои заплата.
Если убили мужа, брата, сына, племянника — Бои заплата.
Если у фабриканта уменьшились доходы — Бои заплата.

Миллионные ли, что в самом Версальском договоре союзники признали «долги» Германии неплатными? Это было откровенное признание того, что счет, который они собирались предъявить Германии, объясняется не обоснованными претензиями, а безудержными аппетитами людей, переживавших горячку победы.

Когда в январе 1921 года этот счет был предъявлен Германии, у ее новых «республиканских» министров потемнело в глазах. Размер репарационных платежей был определен в фантастической сумме 226 миллиардов марок золотом. Эта сумма выходит за пределы человеческого понимания. Она станет ясной, если мы скажем, что на эту сумму можно построить больше тысячи воздушных гидротранзелей. Еще одно сравнение: если сложить в ряд золотые монеты на эту сумму, то ими можно пятинадцать раз опоясать земной шар по экватору.

Таков тот кровавый счет, который был предъявлен Германии. Конечно, Германия платить отказалась. Тогда союзники ввели войска на Рейн. Одновременно началась ускорка аппетитов. Репарации были уменьшены почти вдвое: в мае 1921 года их сумма была определена уже в 132 миллиарда марок. Германия начала платить, конечно за счет рабочего класса. Пролетариат ответил на это гигантскими революционными боями 1921—1923 гг.

Узел хозяйственного кризиса неразрешимых внутренних противоречий заигрался вокруг горла германской буржуазии. Французская буржуазия в страхе увидела на своих границах призрак красного флага. Она ввела войска в Рур. «Призрак коммунизма» стал еще реальнее. Бои шпрились.

Над Гамбургом поднялось знамя пролетарской революции. Так германский пролетариат «принимал Версаль».

Надо было ослабить нажим, чтобы спасти германскую буржуазию—Гарьер между империалистическим Западом и советским Востоком. Так возник план Дауэса, план «судурования» версальского грабежа. Германия пустила в Лигу Наций; началась чередуца «эра Локарно». Потерпевший поражение германский пролетариат должен был нести на своих плечах ежегодное двухмиллиардное бремя плана Дауэса.

Но бесконечно оно это бремя нести не мог и не хотел. Уже к концу 1928 года, в Германии начала изрывать водни революционного возмущения. Рейнская-Вестфальский локаут явился пробой сил. Он показал возросшую активность и сплоченность рабочего класса Германии. Социал-фашизм, ставший авангардом капиталистической рационализации и нападения на рабочий класс, стихийно теряет влияние в массах, которые еще недавно были ослеплены соглашательской фразологией. 1 мая и 1 августа всея острота классового протеста были направлены против социал-фашизма, как империалистического авангарда.

Но перловинские баррикады были только мощной вспышкой, отившей начало всеобщего перехода германского пролетариата в революционное наступление. Трехмиллионная безработица становится резервом мощных классовых выступлений. Массовые демонстрации безработных, кровавые схватки с полицией стали ежедневным явлением в Германии, выражением растущего классового протеста.

План Юнга в этих условиях явился сигналом, свидетельствующим о неравномерности внутренних и внешних противоречий германского империализма. План Юнга означает окончательное «узаконение» двухмиллиардного грабежа, который должен пасть на плечи двух поколений германского пролетариата. Этот план, установивший срок репарационных платежей в 88 лет, включен в «незыблемую» систему Версаля. Американский капитал устами Шахта заявил, что он не признает этого плана: он хочет безраздельно владеть в Германии. «Союзники» не пошли навстречу Америке: в Гаге почва накопилась настолько, что даже буржуазная печать стала литься о «демонах войны», витающих над конференцией.

План Юнга означает вместе с тем новый нажим на рабочий класс. Германская компартия от лица пролетариата заявила, что она не признает этого плана. Буржуазная пресса кричит о надвигающемся беспорядке, требует запрещения компартии, поднимает травлю против Советского Союза, который она по слепоте своей считает ответственным за надвигающиеся классовые бои.

Все это говорит только об одном: в Германии почва действительно накалилась. Германский пролетариат платит и не будет.

Это значит, что буржуазия попытается силой вырвать плату. Это значит, что союзники потребуют от германского капитала иной платы в виде столкновения с СССР. Это значит, что хозяйственный и политический кризис в Германии будет расти. И в том, и в другом, и в третьем случае это будет означать начало решающих классовых боев в Германии.

К этим боям должна быть готова германская компартия и комсомол.

Пролетарская революция в Германии явится началом мирового Октября.

— Держитесь крепче!—говорит пролетариат СССР своим германским братьям.—Час освобождения близок.

„ПАТРИОТЫ“ И ПАЛАЧИ

Минувший год прине буржуазному миру лишь общее ухудшение экономического положения, новые потуги милитаризма и гигантский рост безработицы.

Все же оттошедший год «был счастливым» для многих привратней буржуазии, сделавших себе карьеру. Приводил пример одного из старейших государственных палачев Венгрии (должность, учрежденная в минувшем году). Для того, чтобы «подогреть» все более и более остывающий патриотизм немеских обывателей, фашисты не брезгают ничем.

На снимке нашем — шестие «патриот-фашистов», наряженных в костюмы средневековых рыцарей крестоносцев.

НАКОНЕЦ—ЗИМА!

А. Некрасов

Трудный поворот

Наконец-то настала зима. Снег за одну ночь завалил крыши и улицы, ударили морозы.

Ну, значит на «Воробьевку», на лыжи, на санки, на каток.

А ты, товарищ, бываешь на катке?

Ты видишь, как по утрам молодежь в ярких цветных костюмах вылетает на лед и «кнакает» в хоккей?

Вот команды застыли на местах и ждут начала игры.

Свисток.

Сорвались, понеслись, нападая и отступая. Коньки сверкают на солнце, со скрипом режут лед, клюшки сично шлепают по маленькому мячу. Как загнанный мышонок, мяч носится по полю, гулко ударяется в бортики, подскокивает, вертится и перелетает через поле из конца в конец.

Вот краснощекий здоровый парень стремительно несется, ловко обводя мячом противника. Ближе и ближе подходит он к воротам; кажется, гол неизбежен, но вратарь, тоже краснощекий и здоровый (здесь все дышит здоровьем и лица у всех разрумьены морозом и движением), вылетает вдруг из ворот и, как коршун на цыпленка, бросается на мяч. Совсем незаметный удар клюшкой, но положение спасено, и мяч, взвившись, перелетает далеко за центр.

Мгновенно перестраиваются игроки, и атака идет уже на другие ворота. Снова сыплются удары, снова быстрые движения, непрямые повороты и внезапные остановки.

Хорошо! Так и хочется самому вылететь коньки и взять клюшку. Хочется? Ну, в чем же дело? Иди в кружок, становись и играй. Места хватит.

Пятидневка, которой так боялись чемпионы, сделала свое дело для рядовых физкультурников. Если прежде только немногие «классные» игроки имели возможность заниматься каток по утрам в парадный, то теперь каждый день тысячи московских физкультурников получили возможность играть. Физкультура от этого не пропала, а физкультурная масса определенно выиграла.

Хорошо в выходной день с утра пойти на каток!

А разве хуже где-нибудь за городом на просторе полей, занесенных снегом?

Мерно хлопчат лыжи, чуть слышно хрустит тонкий наст. Солнце, невысоко поднявшееся под горизонтом, отражается в миллионных снежинках, и от того больно смотреть на снег, а плохенький «простор» пригородных полей, салятых деревьями, лесными дорожными путями и шоссевыми дорогами—кажется необъятным.

Хочется идти все дальше и дальше, кажется, что никогда не устанешь, и забываются все городские дела, заботы и тревоги.

И только когда солнце опустится, станет прищип и больным, тогда можно повернуть назад и к вечеру прийти домой усталым, но бодрым.

Но разве мы, москвичи, умеем пользоваться лыжами и зимой! Мы носим подальше в свой выходной день, потом почтением журналы. Так подойдет вечер, а там может быть кино, а может быть опять книга и журналы. Да что грех таить—найдется немало таких, кто не прочь в свободное время распитать дюжину в пивной или полдюжину дома.

А на утро опять тяжелая работа на заводе, в канцелярии, вечерняя нагрузка по всем линиям и кончается тем, что организм не выдерживает, нервы расшатываются и вы бовего и нужного работника, человек за год превращается в невралгичка с постоянными мигренями, с кашлем, с одышкой.

Да, лыжи, коньки,—возражат некоторые,—хорошо говорить, а если и кататься не умею?

Подумай,—велика беда! Долго ли научиться?

Но даже если бы это было трудно и сложно, тогда остается гора и санки. Здесь уж учиться нечего. Просто приходи на берег

реки с самыми плохенькими саночками, ложись на них животом и толкаешь руками.

Если в первый раз не поправится, надо через силу попать еще раз два, а потом уж, ручаюсь, припомню не заманчивой домой новорожденного любителя горного спорта, пока он не вымотает все свои силы.

И с каждым днем, проведенным на воздухе, на морозе, этих сил будет накапливаться все больше и больше.

Вот взгляни на тех, что катаются с горы на «Воробьевке». Страшно посмотреть с этой горы, а не то что кататься.

Крутая деревянная дорога, облитая льдом, с самого верха горы падает вниз на ровный лед Москва-реки. Сбоку по лестнице медленно поднимаются с санями катающиеся, а наверху уже очередь.

Санки поставлены в узкие желобки, потом маленький толчек—и с шумом, с грохотом, то будто проваливаясь, то снова взлетая вверх на подъемах, санки несутся с огромной быстротой. Только что они были здесь рядом, а вот уже далеко внизу, седьмой слезают с них и бегут к лестнице.

А очередь дольшая...

Только мало в этой очереди комсомольцев и рабочих с производства, как мало их и среди лыжников, и на катке.

А жал! Физкультура—это не развлечение, выдуманное от нечего делать. Это могучее средство боевой закалки организма, и наши враги прекрасно понимают это.

Посмотрите на «буржуазную молодежь»,—она все время занимается спортом. И мы не имеем права отставать от нее в этом направлении грядущих классовых боев.

Хоть это и смешно, но до сих пор некоторые возражают, что, мол, то, что для буржуев хорошо, нам совсем не нужно.

Ну, а тогда не бросить ли учиться грамоте? Ведь буржуа отлично учат своих детей.

Дело не в том, что нам не нужна физкультура. Она нам нужна, это ясно, но наша физкультура должна быть классовая, пролетарская физкультура. А чтобы не извратить классовую линию советской физкультуры, чтобы обеспечить твердое пролетарское руководство ею, комсомол должен принять все меры к тому, чтобы кадры физкультурников пополнились комсомольским активом. Особенно важно вовлечь в физкультуру тех, кто сейчас занят по горло другой работой и безжалостно расширяет свои силы, не желая черпать новые запасы их из воздуха и солнца.

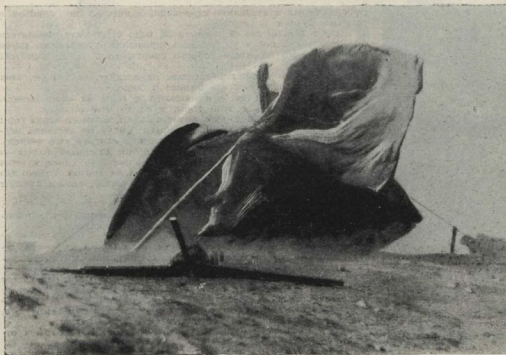
Пора бросить лозунг: из одного комсомольца вне физкультуры!

С горы

„ЗЕМЛЯ ЖАЖДЕТ“

Юр. Арди

И вдруг — ураган...

Когда-то здесь была цветущая долина. Недаром старинная легенда говорит, что на крышам домов обыкновенный козел мог добраться до Хивы до Каспийского моря.

А теперь здесь неподвижные пески. Сухие, как пепел, барханы. Бесводные русла рек, засыпанных и засыпанных песками.

Туркменистан. Солнце и песок. Песок и солнце. Плоские кровли глинобитных домов, заросших в выжженной пустыне.

Есть вода — жизнь. Нет воды — смерть. Вода здесь — все.

Самый богатый человек Туркменистана — человек, имеющий много, много воды, потому что вода — жизнь.

Аман-дурды-бай владеет «гауданом» — водохранилищем, откуда по песчаным аркам течет вода на земли бедняков-туркмен. Аман-дурды-бай — самый богатый человек Туркменистана. У него много верблюдов, много садов, много всякого добра. Аман-дурды-бай — хозяин жизни и смерти.

По подземным аркам — «керианам» — вода идет из «гаудана». Вместе с водой идет ил, идет грязь, идет песок. И чтобы получить воду, чтобы уйти от смерти, бедняк-туркмен должен очистить засыпанные илом «кериан», и это нелегкая работа. В губоких керианых колодцах темно и душно. Полуголый человек лезет вниз, под землю, и ведром вычерпывает тонны грязи. Много, много тонн, — для того, чтобы добыть воду.

И что получает за адский труд человек? Воду. Вернее, капли воды, которой он орошает свою выжженную солнцем и засыпанную песком землю. Около «керианых» колодцев надрылаются туркмены. На солнце блестят их потные тела. Равные казати — сорощены. Жаркие пахали — на земле. Вода, которую Аман-дурды-бай дает беднякам за их труд — «жалкий плат».

Первая вода, добытая бедняками, — принадлежит богачу Аман-дурды-баю, человеку, который владеет драгоценным «гауданом».

Годами, столетиями люди Туркменистана бились за капли воды, всю жизнь трудясь, чистя «кериан».

Пришли новые времена, пришли новые люди. Оказ Туркменистан. С запада подул свежий ветер.

В заросший аул приехали друзья песчаной пустыни, дерзнувшие вторгаться в земли легендарного Тимура, мешающие воде притти из ближайшей реки. Бригады молодых техников — сотрудников Водхоза — в

ауле. Друзья этих юношей — бедняки. Ираг — Аман-дурды-бай, ибо он боится потерять свое родовое богатство — драгоценный «гаудан».

А глашатая кричит:

— Аман-дурды-бай предостерегает вас. Идут враги. Убийцы ваших отцов, братьев, мужей.

Солнечный Туркменистан помнит русские домы. Помнит 1916 год.

— Русские...

Но в этот раз Аман-дурды-бай был не прав. В этот раз пришли не враги, а — друзья. Они сказали, что и без Аман-дурды-бая можно жить, можно иметь много воды.

— Мы дадим воду ищей стране. И хозяевами этой воды будут бедняки.

И когда бедняк Курбан-Али из родного аула сообщает об этом союзе, — радостная толпа бросает в воздух жаркие, коматые пахали. Бригаде юных техников помогают бедняцкое население. Ибо вода — жизнь.

Ровятся глубокое подполье, закладывается динамит. Песок и сухая глина ежесекундно обваливаются, засыпая начатые земляные сооружения.

Когда подполье было готово, когда динамитом были глубоко заложены под неподвижными холмами Тимура, юноши ликовали, и с ними туркменские бедняки. Осталось только поджечь шнур. Еще несколько минут, и прорвет вода.

И вдруг — ураган. Ветер. Слепнет глаза взбунтовавшийся песок. Надо только поджечь шнур. Подкоп готов.

Сигнал. Люди ждут. Ветер обьет. Засыплет пылью и миллиардами песчинок. Ослепнет сигнал. И наконец — взрыв.

Груда камней. Горы песка. Показалась вода, сначала тонкими, болезненными струйками, потом — сильнее. Песок стал мокрым. Вода вырвалась шумящим потоком.

На поля, выжженные солнцем, ринулась жизнь. Та жизнь, которой до сих пор владел старый Аман-дурды-бай. Бригада юных техников победила.

Каждая пустыня имеет свое будущее.

Фильм «Земля жаждет» рассказывает о новом Туркменистане, рассказывает о героической борьбе за жизнь освобожденного Востока. И что самое замечательное — это звуковое оформление фильма. Шумы каракумских пустынь, звуки далеких аулов, национальные мелодии туркмен — уселят впечатление от этого фильма. Этнографический материал, на фоне которого построена история пути комсомолец, давших воду умирающему аулу, значительно выигрывает при наличии хорошо разработанного сюжета фильма.

Ставит фильм «Земля жаждет» режиссер Восток-кино Ю. Райман, оператор Л. Коштанов.

Замечательный и значимый материал, на котором построен фильм, его звуковое оформление и актуальность задач, затронутых сценаристом С. Ермолинским, обязывает причислить его к ряду лучших кинорассказов о нашем Востоке.

Ровятся глубокое подполье...

„ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРАМОТА“ — ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ „СМЕНЫ“

ЧЕТВЕРТАЯ СЕРИЯ

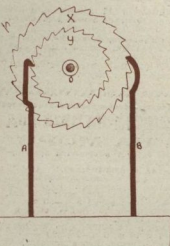
ДВЕ ЗАДАЧИ

БЕСПЛАТНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ.

В прошлой серии мы приводили примеры «вечных» двигателей и указывали на разницу между «вечным» и бесплатным двигателями.

Приводим теперь пример бесплатного двигателя.

На рисунке помещена схема

главной части механизма часов, которые никогда не нужно заводить.

А и В — стержни, сделанные из легкого металлического сплава с большим коэффициентом расширения. Х и У — зубчатые колесца, насаженные на вал О, на котором закреплен конец спиральной пружины (на рисунке не показана).

Предлагаем читателям прислать объяснение, каким образом дей-

ОТВЕТЫ НА I СЕРИЮ А

1. Шерсть, приготовляемая из измельченных и расчесанных шерстяных трипок.
2. Кенаф и кандьяр.
3. Сплав свинца, сурьмы и олова.
4. Жиры и каустическая сода.
5. Древесный деготь, из дерева.
6. Из хлопна и камфары.
7. При сием.
8. Колесо с широким ободом, на которое надевается приводной ремень.
9. Потому что медь обладает большой электропроводностью.
10. Для предохранения ее от гниения.
11. Расширяется при охлаждении.
12. Благодаря тому, что ось в шарнироподшипнике вращается

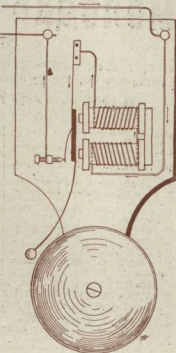
ствует этот «самозаводящийся» механизм и за счет какой энергии происходит его движение.

ИСПОРЧЕННЫЙ ЗВОНК

На рисунке помещена схема неправильно собранного звонка. Такой звонок действовать не будет. Укажите, какая ошибка сделана при его сборке и как ее исправить.

КАК, ПОЧЕМУ, ЗАЧЕМ?

1. Подвижные шарика, которые уменьшают трение.
13. Из каменноугольной смолы.
14. Олова и свинца.
15. Весьма важный в металлургии способ получения стали из чугуна.
16. Сухой перегонкой каменного угля.
17. Очистка.
18. Соединение различных веществ с углем.
19. Деталь машины, на которой вращается ось.
20. Соединение кремня с углем (парфид кремния).
21. Для получения высоких температур, смесь окиси угля (угарного газа) с водородом.
22. Гейолюла.
23. Из дрессины.
24. Да, в Туле.

ЧТО ПИШУТ ЧИТАТЕЛИ

Читатели «Смены», участвующие в конкурсе игры «Техническая грамота», не только превосходят решения задач, но и отсылают об этой игре.

Вальтерис не читатель пишет, что игра понравилась не только им, но и всем тем, кому они подавали журнал с игрой. Товарищ Ген Гольдберг (Москва) пишет: «Эта игра полагает как провести свои знания, так и узнать все относительно науки и техники». Товарищ Кривошеин (Блаженцевское ПГО на ст. Пальский, Минского округа) пишет: «Техническая грамота» не только равна-

вает работу, но и углубляет и развивает те теоретические и практические знания, которые имеются.

К сожалению, издается и перепечатывается товарищ, никто не прислал список критических замечаний по первым сериям, а также предложение, как улучшить эту игру, чтобы сделать ее более массовой и занимательной.

Недостатком также число предложенных задач.

Мы идём большей важности, так как иренин участникам конкурса «Техническая грамота» будут давати-

ся не только за решение помещенных задач, но и за составление их.

КАТО УЧАСТВУЕТ В КОНКУРСЕ

В число участвующих конкурсов включены следующие товарищи: Шершны, Ситинин, Садковский, Кунелько, Сафонов, Исмаил, Бердран, Гумберт (все Москва), Горбунов (Самара), Белоусовский (Иркутск), Степановский (ст. Рубинский), Титенбадзе (Харьков), Губен, Афанасий (Киев), Тарифева (пос. Новоосновское), Колосов (Благу), Баранков (Сухум), Алдериан (Харьков), Палатов (Ступино), Кривошеин

(Плоское), Пасеченко (Тифлис), Белодышев (Омское), Халтурин (Надеждинск), Копитов (Киев), Долганов (Шуа), Ковригин (Ленинград), Караченцов (Калачев), Аригата (Одесса), Пугачев (Волосов), Лисак (Болотов), Макарадзе (Новоосновское), Тимченко (Рязань), Гаселов (Тбилиси), Рубинштейн (Киров), Овчинник (Лобнин), Владимирцов (Маркушаев), Кош (Великий).

Товарищи, желающие участвовать в конкурсе, должны прислать свои решения помещенных задач. По мере поступления писем список будет пополняться и уточняться.

ШАШКИ

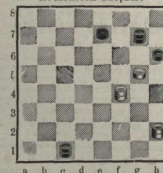
Под редакцией В. В. МЕДКОВА

4-й конкурс решений задач и этюдов

Этюд № 1

Юрий Шмидт (Харьков)

Печатается впервые

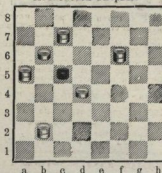
Белые: Д f4, b2; пр. g5 (3)
Черны: Д с1, g7; пр. е7, h6 (4)

Белые начинают и выигрывают.

Задача № 1

В. Е. Педько (Горловка)

Печатается впервые

Белые: Д а5, b2, е7, f6; пр. b6, d4 (6)
Черны: Д с1, g7; пр. е7, h6 (1)

Белые начинают и запарют простую черных.

Объявляется новый конкурс решений шашечных задач и этюдов на следующих условиях:

- 1) В конкурсе решений входят 20 шашечных задач и этюдов.
- 2) Решения должны присылаться в течение одного месяца со дня выхода задания или этюда.
- 3) За каждое правильное решение как задачи, так и этюда будет засчитываться по два очка и за каждое побочное решение — одно очко.
- 4) Авторы задач и этюдов получают за свои задачи и этюды то же число очков.
- 5) Приравнение наибольшее количество решений получат призы, состоящие из книг шашечной литературы.
- 6) Участвующие в конкурсе сообщают свой адрес.
- 7) Решения следует посылать по адресу редакционной журналы «Смена» с припиской «В отдел шашек».

Товарищи, участвуйте в нашем конкурсе!

24 книги в год. **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1930 год** IX год издания. на литературно-художественный, общественно-политический, научно-популярный журнал **МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ** Отв. редактор Б. Ольховый.

В 1930 г. объем книжек журнала увеличится. Расширяются все отделы журнала, особенно литерат.-худож.

В 1930 г. БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ:

I. РОМАНЫ И ПОВЕСТИ:

- Иван АГЕЕВ.—Люди странных профессий.
- Николай ВОЙДАНОВ.—Центр испалтальной комсом.
- В. ГОРБАТОВ.— Наш город, роман.
- А. ИСАХА.—По шпалам, повесть.
- В. КАВЕРИН.—Смерть Гаспарова, повесть.
- А. КАРАВАЕВА.—Рассказы конструкторов.
- М. КОЛОСОВ.—Условные рефлексы Кати Астафовой, повесть.
- Н. КНЯЗИМСКИЙ.— Молодой человек, повесть.
- Р. НИКИФОРОВ.—Одно желание, роман.
- А. НОВИКОВ-ПРИВОН.—Цунами, роман.
- Л. ОГНЕВ.—Три измерения Калерия Липского.
- Д. ПЕТРОВСКИЙ.— Денис Кочубей, повесть.
- Л. РАКОВСКИЙ.—Квартира № 3, повесть.
- В. САЙНОВ.—Двое, повесть.
- С. СЕМЕНОВ.—Наталья Тарнова, г. П.
- Д. СТОЯН.—Семья Раскиных, повесть.
- О. ФОРНИ.—Символиста, роман.
- К. ФИНИ.—Земля, повесть.
- М. ПЛАТНИН.—Новый роман.
- И. ПИВЛОВ.—Сигнал, повесть, и другие.

II. ПОЭМЫ И СТИХИ. III. СМЕРКИ. IV. СТАТЬИ. V. ИЗ ПРОШЛОГО. VI. НАУКА И ТЕХНИКА VII. СОВЕТСКИЕ ДНИ. VIII. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ПОДПИСКАЯ ПЛАТА: 12 мес.—11 руб. 50 коп., 6 мес.—6 руб., 3 мес.—3 руб. 30 коп., 1 мес.—1 руб. 20 коп.

Годовым подписчикам начисляются при подписке—5 руб., 15 марта—3 руб., 30 июня—3 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва центр, Новая пл., 6, «Издательство «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» во всех отделениях Издательства, в kiosках Конгрессового пункта. Повестками на почте, письмом, носками и след. упрежденными.

Борьба Миров

- 12 книжек ЕЖЕМЕСЯЧНИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО РОМАНТИКИ, ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ, НАУЧНО-ФАНАСТИКИ.
 - 12 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ КНИЖЕК (БОЖЕТИХ РАСКАЗОВ, ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ ОТЧЕВОВ.
 - «БОРЬБА МИРОВ»—самый дешовый ежемесячник этого типа. Цена отдаленного номера—40 копеек.
- В 1930 г. «БОРЬБА МИРОВ» является приложением к массовому иллюстрированному журналу рабоч. молодежи

«СМЕНА»

Подписная плата 36 номеров «СМЕНА» и 12 книжек «БОРЬБА МИРОВ»: на год—7 р., на 6 мес.—3 р. 70 к., на 3 мес.—1 р. 95 к., на 1 мес.—70 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва в центр, Новая площадь, 6, «Издательство МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», всеми отделениями издательства и повестками на почте.

Требуйте №№ 1 и 2 ежемесячника «БОРЬБА МИРОВ» во всех kiosках, у газетчиков и на станциях жел. дорог.

ЕСЛИ ВЫ ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ТУРИЗМОМ И НА 1930 ГОД ПУТЕШЕСТВИЯМИ, ВЫПИШИТЕ НА СУШЕ И НА МОРЕ

Иллюстрированный духдельный ЦК ВЛКСМ и общества пролетарского туризма и туристических приключений.

Журнал туризма, путешествий и приключений.

24 номера в год, большого формата, богато иллюстрированы. Годовые подписчики получают бесплатно 1 большую географическую карту СССР размером 62 x 84 см. Цена номера—15 коп.

Подписная плата на год—4 руб. 40 к., 3 мес.—5 к. ПРИЛОЖЕНИЕ: 12 номеров «ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ТРИСТА».

Подписная плата на журнал «НА СУШЕ И НА МОРЕ» с приложением «Иллюстрированный туризм» на год—4 р. 10 к., 6 мес.—2 р. 20 к. ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва в центр, Новая площадь, 6, «Издательство «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», всеми отделениями издательства и повестками на почте.

В 1930 г.

каждой ЯЧЕЙКЕ ВЛКСМ, каждому КОМСОМОЛЬЦУ, каждому ПАРТТРИКРЕПЛЕННОМУ, каждому ВОИНОУ в его теоретической и практической работе НЕОБХОДИМЫ ЖУРНАЛЫ:

Издательство ЦК и МК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

<p>ЮНЫЙ КОМУНИСТ</p> <p>Теоретико-политический духдельный ЦК ВЛКСМ.</p> <p>Борется за генеральную линию партии.</p> <p>Теоретически обобщает опыт комсомолов и разрабатывает проблемы ком. движения.</p> <p>Помогает теоретич. учебе.</p> <p>Центр проблемы на основе работы ПЕРЕСТРОЙКА РАБОТЫ ВЛКСМ В ПЕРИОД РЕКОНСТРУКЦИИ.</p> <p>Цена номера—35 коп.</p> <p>Подписная цена: на год—7 р. 20 к., 6 мес.—3 р. 70 к., 3 мес.—1 р. 90 к.</p>	<p>КОМСОМОЛЬСКИЙ РАБОТНИК</p> <p>АГИПРОП</p> <p>Руководящий духдельный АПО ЦК, МК и ЛК ВЛКСМ.</p> <p>Задачи журнала: повышение руководящего работ комитетов и ячеек КСМ в области агит., проп. и культурно-массовой работы.</p> <p>Организовать обмена опытом и критич. обобщение его.</p> <p>Обсуждение организаторов АПО—работы матер. для кампаний и повседневной работы.</p> <p>Цена номера—30 коп.</p> <p>Подписная цена: на год—5 р. 80 к., 6 мес.—3 р., 3 мес.—1 р. 55 к.</p>	<p>ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ</p> <p>Ежемесячник ЦК КСМ и ЦК ВЛКСМ.</p> <p>«Интерном»—единственный ежемесячник по интернациональному воспитанию молодежи, имеет методич. приложение.</p> <p>Освещает международные вопросы, движение, политич. и культурную жизнь молодежи в капиталистических странах.</p> <p>За 1929 год число подписчиков на «Интерном» возросло в десять раз.</p> <p>В 1930 г. цена на «Интерном» снижается.</p> <p>Цена номера—40 к. (им. 50 к.).</p> <p>Подписная цена: на год—7 руб. (им. 5 р. 20 к.), 6 мес.—4 р. 10 к. (им. 2 р. 75 к.), на 3 мес.—1 р. 10 к. (им. 1 р. 45 к.).</p>
<p>ИЗВЕСТИЯ ЦК ВЛКСМ</p> <p>IV год издания.</p> <p>Руководящий духдельный ЦК ВЛКСМ.</p> <p>Основная его основная проблема работы комсомолов в городе и деревне.</p> <p>Суммирует ценный опыт работы ВЛКСМ.</p> <p>Информировать о работе ЦК ВЛКСМ, посылать все резолюции, циркуляры и др. официальные материалы бюро, секретариата и отделов ЦК ВЛКСМ.</p> <p>Цена номера—15 коп.</p> <p>Подписная цена: на год—3 руб., 6 мес.—1 р. 60 к., 3 мес.—80 коп.</p>	<p>ВОЖАТЫЙ</p> <p>Орган ЦК новых пионеров.</p> <p>В 1930 г. выйдет 36 номеров (номер 24).</p> <p>В 1930 г. «ВОЖАТЫЙ» перестраивается.</p> <p>ОСНОВНЫЕ ОТДЕЛЫ: Проинформирование и коммунистическое воспитание детей. Марксистская педагогика; отдел практик; отдел спорта и школы; опыт метр. работа с отрядами.</p> <p>Каждый ДН будет строиться на одной теме.</p> <p>В 1930 г. цена значительно снизится.</p> <p>Цена номера—15 коп.</p> <p>Подписная цена: на год—4 р. 6 мес.—2 р. 25 к., 3 мес.—1 р. 30 к.</p>	<p>НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЕРЕВЕНСКИЙ ВОЖАТЫЙ</p> <p>Орган ЦК новых пионеров.</p> <p>Освещает работу вожда в деревне. Особое внимание будет уделено опыту работы колхозных и совхозных пионеров.</p> <p>Журнал будет помогать вождам в самообразовательной работе.</p> <p>Цена номера—10 коп.</p> <p>Подписная цена: на год—1 руб., 6 мес.—55 к., 3 мес.—30 коп.</p>

Требуйте подробные проспекты.

ПОДПИСКА НАПРАВЛЯТЬ: Москва центр, Новая пл., 6, изд-во «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», во все отделения, во все пункты «Телеграф», комсом. пункты, пионерские, упрежденные, с точ. удостоверениями.

ПОДПИСИТЕСЬ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.